

ATOMIC
COMICS
GROUP

12¢

APPROVED
BY THE
ATOMIC
CODE

AUTHORITY

№ 1

OCTOBER
2087

ATOM DUST

ЧАСЫ СУДНОГО ДНЯ

РОБЕРТ ОБОЛЕНСКИЙ

New York Times
ATOMIC AGE
ARRIVES

Роберт Оболенский

Atom Dust: Часы судного дня

«Автор»

2026

Оболенский Р. А.

Atom Dust: Часы судного дня / Р. А. Оболенский — «Автор»,
2026

«Война – это бизнес, а он всегда в поисках десятикратной маржи», – сказал бархатисто-хриплый голос в наушниках Алана Грейсона, когда он прижался к раздвижным дверям тесного вагона подземки, наблюдая сквозь мутное стекло за сплетённой чередой кабелей, ощущая искреннюю веру в то, что нити и его судьбы важным образом переплетутся, когда он получит заветное место в корпоративной обойме «Эко Кор Индастриз». А от мечты его отделяло лишь формальное собеседование с будущим боссом – Джимом Коганом, человеком старой закалки: горделивым, заносчивым и нетерпимым ко всему новому. Эти двое сразу невзлюбят друг друга, а мечты парня обратятся в прах. Но обстоятельства стальной цепью свяжут их воедино, когда Часы судного дня пробьют полночь, и прежний мир сгинет в пламени мировой войны, оставив Грейсону и Когану одну мечту на двоих, что заключена в простом слове «Выжить».

© Оболенский Р. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В шаге от рая	5
Глава 2. Навстречу судьбе	13
Глава 3. Обратный отсчёт с видом на залив Аппер	21
Глава 4. Синдром оператора	29
Глава 5. Долгий разговор в три удара	34
Глава 6. «Колыбель для кошки»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Atom Dust: Часы судного дня

Глава 1. В шаге от рая

Часто я спрашиваю себя: Что есть фантазия, как не скрытая под плотной завесой неизвестности реальность? Та, что открывает себя лишь в тот момент, когда мы сталкиваемся с ней лицом к лицу.

Нельсон Биглз, основатель компании Ред Кэп

09:42 AM

Глубоко вздохнув, Алан Грейсон попытался отстраниться от качки в вагоне, от запаха чужих тел, от всего того, что мешало сосредоточиться на бегущем перед глазами видеоряде. Три повтора дыхательных методик — неспешный вдох, степенный выдох. Он потянулся к браслету и легким касанием дисплея перевел линзы в широкоформатный режим.

Перед ним волчком кружила загрузка, легкая рябь, послышался похожий на всплеск звук. Экран вмиг погас, и Алан увидел голубое небо так ясно, словно птица в полёте, как будто он сам и парил в лучах начала дня. А пролетая над парком, услышал из-за горизонта голос. Он не узнал его — это Леонард Коэн.

Но какие его годы!

Птица снижается, лавируя в потоке, уходит к озеру, летит к большому дому. И нет уже зрителя и птицы, сознания сплелись в единый ряд.

Теперь весь он — это тот дом и бархатисто-хриплый голос, что, шепча, вызывает чувства — будоражит и холодом проходит вдоль спины:

«Это один из тех домов, что так легко, увидев, позабыть: светлый фасад, темная кровля. У гаража машина, белый забор, и гордо реет звёздно-полосатый флаг. Лужайка перед домом аккуратно прибрана, а вдоль бегущей к крыльцу дорожки цветут розы».

Рассказчик замолкает на мгновенье, а камера спускается с небес и замирает у входной двери.

«Казалось бы, идиллия, мечта, — тяжело вздыхая, шепчет Коэн. — Но, встав поближе, замерев, вы различите царящие там споры, те, что так часто разрушают брак».

Резкая смена кадра переносит Грейсона на кухню, где крупный грузный мужчина за сорок смотрит пустым взглядом в тарелку с остатками размазанного по ней желтка. Он собран и недвижим, и лишь скула предательски трясётся, а рука сжимает пустой стакан. Вдруг что-то в нём меняется, морщины со лба сходят, а на губах играет полуулыбка.

«Ты долго шел к этому, Фрэнк. Очень долго, — растягивая последние слова, повторяет он себе несчётный раз за день, скрещивает приборы на тарелке, сцепляет пальцы на груди и откидывается на спинку стула, что, словно по команде, жалобно скрипит. — Еще немного, и ты дожмешь этого сучонка из министерства, — сжав зубы, он цедит каждый слог в уме. — Контракт будет твой, Фрэнки, ведь ты им сердце этими руками вырвешь, но свое возьмешь, а там...»

Он мечтательно закатывает глаза, жадно облизывает губы, представляя себе лодку из каталога «Фишинг Дайджест», ровную гладь озера Тахо и тот внушительных размеров дом, что приметил еще пару лет назад. Прикрыв глаза, он чуть ли не мурчит от предвкушения и так счастлив, что и не слышит гомона со второго этажа их дома в пригороде Сакраменто.

Но вот в дело вступают барабаны; истошный, срывающийся на крик голос жены возвращает его из мира грёз и нещадно бьёт о реальность, как ту жирную рыбу, которую он в мыслях только что удил.

И теперь в голове у Фрэнка лишь одно: «Ну, твою мать, что опять стряслось?»

— Филипп, немедленно открой дверь! — В ответ детский крик. — Не вынуждай меня открывать ее силой, иначе...

Цепляясь за поручень, как за спасательный круг, Фрэнк медленно поднимается по лестнице. Внутри него всё клокочет, всплывают воспоминания из прошлого: жена ведет себя так же, как когда-то его мать.

— Сегодня, ну почему именно сегодня, твою мать?.. — бормочет он.

Преодолевая последнюю ступень, он видит барабанящую в дверь детской жену, ловит себя на мысли, что с годами она изменилась, и вновь задаётся вопросом: «Ну почему с возрастом черлидерши манерами и телом всё более походят на футболистов — чёртовых парней из защиты?»

Он смотрит на нее и вновь шепчет:

— Что с тобой стало? Добавь кепку да усы, и ты будешь вылитый Энди Рид [1].

— Последний раз повторяю, Филипп! Сделай музыку тише, открывай дверь и натягивай на себя эту чёртову форму, а то две недели без сетевых сервисов тебе обеспечены, — кричит она и, словно в подтверждение угрозам, топает ногой.

От этой картины у Фрэнка по спине пробегает холодок, он вызывает проекцию календаря на умном браслете и, делая вид, что печатает записку, подходит к ней с невозмутимым видом.

— Какие-то проблемы, дорогая?

Фрэнк — монолит. Невозмутим, как сфинкс из долины Нила.

— А сам не видишь? — она безуспешно дергает ручку двери несколько раз кряду, убирает выбившуюся прядь со лба, глядя на мужа исподлобья, добавляет: — Не хочет надевать школьную форму, это всё ты его разбаловал.

— Ага, — спокойно соглашается Фрэнк.

А внутри него клокочет, как в жерле вулкана: «Как же ты затрахала меня, тупая ты сука! Сплошные истерики, жалобы, когда-нибудь я сброшу тебя вместе с твоим сраным “Кадиллаком Куп Девиль” прямо в самый глубокий каньон, да хоть в тот же Великий! И, поверь, это будет великий день!»

— Фрэнк! Фрэнк?! — шелкает она пальцами у его носа. — Ты всё еще тут? А то мне показалось, ты куда-то улетел!

— Значит, форму надевать не хочет, ладно, — вздыхает отец семейства и вальяжно стучит в сыновью дверь.

— Эй, чемпион, это твой большой папочка, — ухмыляется Фрэнк и смотрит на жену, что топчет пол, как бык копытом землю, и упирает загорелые руки в бока.

«Да, если так и дальше пойдет, то после рождения второго она тебя во сне прирежет», — мысленно комментирует он стойку жены, предусмотрительно убирает маску вальяжности подальше. В лице становится серьезным, касанием сбрасывает проекцию календаря с браслета прочь и твердой рукой стучит в дверь.

— Что у вас тут стряслось, чемпион? Рассказывай!

— Мама обещала, что я могу надеть джинсы в школу.

— Ну, так в чём проблема?

— Теперь она заставляет *одеть* форму.

— Ага, — качает головой Фрэнк и говорит: — Минуту, чемпион, сейчас разберемся.

Он поворачивается к жене с вопросом:

— Барби, куколка, это правда?

— Фрэнк, — говорит она и зигзагом проводит пальцами у губ.

— Что? — с недоумением спрашивает он и видит, как она жестом просит его отойти от двери.

Они отходят, он наклоняется, она шепчет:

— Я забыла.

— О чём? — шепчет в ответ Фрэнк.

— О дне этом чёртовом.

— Каком, на хер, дне?

— Ну, об этом, — косит она глазами в сторону, словно даёт тайный знак.

— Скажи уж прямо.

Вулкан внутри уже дымит: вот-вот начнется извержение.

— Праздник, — подмигивает она и, видя недоумение, добавляет: — День Нового Союза, Фрэнк.

— Вот твою мать!

— Именно, твою, — тычет жена ему пальцем в грудь.

Фрэнк морщится от укола ногтем, жерло вулкана засыпает, а он вспоминает тот самый злополучный день...

Он сидел в своем кабинете, второй бокал после обеда. В тот день он отхватил сочный строительный подряд, а по всем каналам шло выступление президента Томаса Дилана. Бес-сменный лидер нации вещал с трибуны, тряс кулаком и говорил:

«30 сентября 2083 года, пусть все нации Земли запомнят это дату, — это очередной виток в истории величайшей страны, наше наследие и подарок миру. День, когда Америка вернула себе бывшее величие и взяла под крыло полмира!»

С бородкой и пепельным помпадуром президент более походил на звезду Нового Голливуда из Атлантик-Сити. То был уже десятый повтор президентской речи за день, и Фрэнку казалось, что знает ее наизусть. Тогда он сплюнул в гортензию возле окна и велел цифровой помощнице переключить канал на что-нибудь поинтересней.

Но тупая манда Найс вновь включила новости, где уже ведущий с четвертого канала распинался о важности этого сраного дня:

«Президент Дилан уже говорил об этом в своем обращении, но я подчеркиваю этот факт еще раз. Американская нация должна отныне понимать — День Нового Союза — это великий день, что по своей значимости приравнен к празднованию 4 июля — Дня независимости США».

«Да, умеют же они подлизать», — сказал в тот день Фрэнк и, переключив на футбол, нацепил себе еще на два пальца. К трём он уже сильно поднабрался, вызвал такси и по дороге к дому заехал в какой-то левацкий бар, где возле туалета за круглым столом сидела кучка безусых студентов. Они в голос рассуждали о том, что преобразование США в КССГ — это конец всему. Что занимающий уже четвертый с лихом срок президент — это нарушение всех устоев, а День Нового Союза — не что иное, как плевок на всех американцев. И что уравнивание статуса двух дат — это предательство, очередной плевок на лики предков и всё то светлое, что завещали нам отцы-основатели.

Фрэнк заказал двойную порцию «Старины Тома», пытался смотреть первую игру футбольной лиги, но невольно краем уха слушал эти тирады юнцов из молодежной организации «Союз единства», качал головой, играл желваками и, сжав бокал, повторял себе только одно: «Сучата мелкие, были бы вы тут году в семьдесят восьмом, когда генерал Мейлорд Кросби, как нож сквозь масло, прошел победным маршем по Западному побережью. Вот тогда бы вы мне рассказали о плевках и позоре».

В гражданскую войну капитан Фрэнк Катл воевал за Запад. Он не был профессиональным военным, закончил только курсы офицеров и сразу отправился на фронт. Оттрубил с семьдесят пятого по семьдесят восьмой, не отрываясь на госпиталя и прочие тылы, всю войну,

как от звонка до звонка. Смог пережить победу Востока, уцелел он и в Третей мировой — всё благодаря одному важному качеству — он всегда умел брать свое. Но сейчас ему было стыдно за все те годы: он сидел в замшелом баре, слушал пустые речи сопляков и чувствовал, что сожми бокал еще чуть сильнее, как тот треснет, а на стойку польется свежая кровь.

В тот миг он сказал себе: «Утомонись, дружище, тише».

Но один из студентов вздернул к потолку бокал со светлым «Бадди» и отчетливо крикнул на весь зал, что их поколение не допустит диктатуры этой власти, которую по глупости допустили их отцы.

На этом тосте бокал треснул, а Фрэнк унес с собой два уха, глаз и десяток девственно белых зубов. Дело в последующем замяли, владельцем бара оказался ветеран. Фрэнк помнил тот день в мельчайших подробностях, как потом выбросил в окно трофеи, замотал скотчем кулаки, а Барбаре сказал, что не увидел выступ на стройплощадке, споткнулся да упал.

С того момента уже пять лет прошло, но до сих пор он слышал свой тогдашний голос, как рычал: «Ах вы, тщедушные ублюдки! Да где вы, суки, были, когда сровняли Голливуд с землей? Да вы хоть чуяли тот смрад сожженных тел, что бил мне в нос, когда окончилась резня в Сан-Бернардино?!»

В тот день могучий Фрэнк проснулся и вновь играл людьми в пинг-понг. Да, капитан Катл всегда умел брать свое...

— Ты куда опять улетел, Фрэнк? — говорит жена и вновь тычет ногтем в его грудь.

«Да чтоб тебя, так и проткнуть же можешь», — мысленно вторит Фрэнк, приходя в себя, а вслух говорит:

— Сейчас всё сделаю. Не помнишь, где у нас инструменты?

— Нашел кого спросить! Твои же инструменты, — фыркает Барбара, скрестив руки на груди. — Может, в гараже?

— Логично, — Фрэнк легко стучит в дверь детской и слышит, как сын отшатывается от двери. — Шпионишь за нами, чемпион?

— Я проверял колонки, пап.

— Ну, так можешь не проверять, делай потише. Твоя мама хочет тебе кое-что сказать.

Он видит, как жена разводит руками, жестом показывает ей, мол, надо парня уболтать, а сам мигом в гараж и вот-вот вернется.

— Пап? — спрашивает ребенок, но большой папочка уже на полпути к цели.

— Папа отошел, это мама, — она подбирает слова, пытается звучать как можно мягче.

— Мам, я уже выбрал джинсы.

— Ты у меня молодец, открывай, и обсудим, какие лучше, — хмурясь, предлагает мать.

Она старается сдержать поток возмущения, то и дело смотрит на золотые часы, доставшие ей от матери, и спешно перебирает звенья на браслете.

— И никакой формы, честно?

— Конечно, Филл, открывай и поговорим.

— А куда папа ушел? — и в голосе ребенка звучит сомнение, ведь подобное случилось далеко не в первый раз.

«Она на взводе, Фрэнк. Восьмой месяц уже пошел, чего ты от нее хочешь? Сам посиди дома недельку-другую без дела, да с пузом, как у бегемота, и посмотрим, как запоёшь», — успокаивает он себя, попутно прикидывая, чем отворить дверь, да как не опоздать на встречу.

— Мам-мам?

— Что?

— Куда папа ушел?

— Он готовится к встрече, открывай дверь, я устала, — отбивая ритм по полу и кусая губы, сдержанно отвечает мать.

Тряхнув рукой, смотрит на циферблат, прошло целых две минуты.

А доносящаяся из детской песня, подойдя к концу, вновь включается сначала. Пальцы музыканта плавно перебирают струны: играет вступление, а терпение матери уже готово лопнуть. И стоит в дело войти барабанам, как она заносит кулак, готовая постучать в дверь со всей той силой, что порождает злость.

Фрэнк находится уже в гараже, когда колонки оживают, и отзвук рваных ритмов заполняет дом.

«Вот молодец, успокоила», — думает он, оглядывая завалы из увлечений жены.

— Ну почему именно сегодня? — спрашивает он себя, пробираясь к шкафу с инструментами сквозь нагромождение вещей. — Все эти тряпки, коробки, а швейную машинку надо было еще в начале лета выбросить.

Он освобождает подход к шкафу наполовину, когда слышит звук шагов на лестнице. Тяжело вздыхает, косится на стоящий в другом углу оружейный сейф, вспоминает весь свой комплект и представляет, как достает наследие былых времен — старый русский СКС. Как сует ствол в рот и красит потолок в багряные тона.

— Фрэнк.

— Что?

— Фрэнк!

«Да что тебе от меня надо?!» — хочет взорваться он, но сдержанно говорит:

— Да, дорогая.

— Достал инструменты?

— Еще минуточку.

Вулкан в груди готов взорваться.

— Ты можешь побыстрее, мы уже опаздываем.

— Да что ты говоришь?! — с наигранным удивлением говорит он, а в ответ слышит лишь удаляющийся звук шагов.

Рывком отбросив в сторону очередную коробку с пряжей, он открывает дверцу шкафа. Рыщет по полкам, вытряхивает всё прямо на пол и, только хлопнув дверцей, видит на шкафу заветный красный кейс.

В тот же миг, осилив лестницу, мать бежит к детской, в бок колот от нагрузки, она хватая ртом воздух и с силой барабанит кулаком в дверь.

— Филипп Фрэнсис Катл, немедленно открывай дверь!

— Если я открою, будет, как всегда, — испуганно возражает ребенок.

— Мы просто поговорим.

— И ты разрешишь *одеть* джинсы?

— Надеть, — поправляет она и чуть тише говорит: — Сынок, есть правила, хотим мы того или нет, но ты обязан...

Резкий удар в дверь заставляет мать отпрянуть, колонки выкручиваются на полную, и сквозь гомон ударных и гитарных риффов мать слышит лишь одно:

— Я ненавижу вас, лучше бы меня вы не рожали! — давясь обидой, кричит сын.

Мать хочет ответить, но тот — второй, дерется ножкой. Да так рьяно, что ее скручивает пополам. Жадно хватая воздух, Барбара, опираясь на стену, медленно сползает на пол. Сжимает кулаки до белых пятен на костяшках и плачет, не в силах совладать с собой.

А дом трясет от рвущихся из колонок звуков, натужно хрипит усилитель, стены вибрируют, и всё внутри приходит в резонанс. Звенят бокалы, стёкла, сложенные в посудомоечную машинку приборы. И даже остановившийся у почтового ящика посыльный из «Дон Ку Траффик» слышит, как из-за белой ограды ревет воинственный припев [2] популярной хеви-метал группы «Металлбист»:

Грохот орудий и призывы к атаке. Топот копыт и мертвых тел смрад. Здесь нет места жалости и сомнениям. Это война — без конца и прикрас...

Тем временем в гараже...

— Иди ко мне, малыш, — говорит Фрэнк, убирая под мышку красный кейс, слышит вновь гомон со второго этажа, устало закатывает глаза.

— Ну, сука, что у них опять не так-то?! — восклицает он и со всей силы бьёт кулаком в шкаф, а перед глазами маячит оповещение: «Входящий вызов».

— Чёрт-те что, — бурчит он себе под нос, сетуя на неподходящую ситуацию. — Найс, что за номер? — обращается он к цифровой помощнице.

— Входящий вызов с неизвестного номера, не удаётся определить, — произносит приятный женский голос. — Желаете ответить или отклонить вызов?

— Как же всё, мать его, не вовремя.

— Не понимаю команды. Желаете ответить или отклонить вызов?

— Отвечу, — мрачно говорит Фрэнк и вновь поминает чью-то мать, наскочив коленом на острый угол коробки с пряжей.

— Привет, Фрэнк, это Билл.

— Билл?

— Билл Пэкстон, подрядчик.

— А, Билл, привет, — с улыбкой отзывается Фрэнк, а сам думает: «Вот только скажи, что ты уже подъехал, и разможу твою башку этим драным кейсом».

— Фрэнк, ты уже на объекте? — в голосе партнёра чувствуется волнение.

— Практически подъезжаю, — врет Фрэнк, не моргнув глазом. — А ты?

— Чёрт! Нет, я застрял на четырёхста пятом под Санта-Моникой.

— Хреново, — сочувствует Фрэнк, а сам выдыхает с облегчением.

— Да, такие вот дела... Перенесем?

Шум помех заглушает слова Билла.

— Что?!

— Я говорю, сможешь ли ты...

— Сожалею, но звонок сорвался, — констатирует Найс.

«Ну и чёрт с ним», — думает Фрэнк, а вслух командует:

— Повторить набор.

— Сожалею, но клиент, которому вы пытаетесь дозвониться, недоступен.

— Ладно, — тяжело вздохнув, Фрэнк поправляет галстук и, четко проговаривая каждый слог, говорит: — Найс, набери мне Джил Пэкстон.

— Сожалею, но клиент, которому вы пытаетесь дозвониться, недоступен.

— Ничего не понимаю, — хмурится Фрэнк. — Да что сегодня за день-то такой?

— Тридцатое сентября, 2088 год, четверг, погода ясная...

— Ты, сука, издеваешься надо мной, что ли?! — всплеснув руками, он заносит чёртов красный кейс над головой, но в последний миг сдерживается.

Его трясет от злости, он уже всерьёз смотрит на оружейный шкаф, но штатный ответ приводит его в чувство.

— На такие запросы я вообще не отвечаю, — сдержанно произносит Найс с укором.

— Думай о Тахо, приятель. Просто думай о чёртовом Тахо.

— Проложить маршрут до озера Тахо?

— Иди ты на хер, — устало огрызается он.

Не дожидаясь очередного тупого ответа, Фрэнк смахивает струящийся по лбу пот и отключает функцию цифровой помощницы. Чуть приходит в себя, слышит текст набившей оскомину песни. Дин Босквик надрывно хрипит, красочно распевая историю о срубленных головах, траншеях и газовых атаках мировой войны прошлого века. Сам не помня себя, Фрэнк цитирует лежащийся в ритм отрывок: «Тела лежат, вокруг огонь, а дым клубится тут столбом». В одночасье он понимает, как всё не важно, как ему повезло — с женой, с детьми, с карьерой и этим домом.

Чёрт, да многие о таком достатке только мечтают!

Он бежит к лестнице, перескакивает через две-три ступени за шаг, так, словно ему вновь девятнадцать и он звезда футбольной команды. Видит жену, она вся в слезах, но для него она вновь та задорная девчонка с этими косичками да в короткой юбке.

Увидев его, Барбара прячет лицо в ладонях, чтобы не выдать глаза и разводы от попльв-шей туши. Она что-то говорит, но губы плотно сжаты и слов не разобрать.

В ответ он тихо шикает и нежно целует ее в лоб, говорит:

— Не беспокойся, Барби, — и добавляет: — Я тебя люблю.

Подходит к детской со словами: «Давай мириться, чемпион!» и готовится постучать в дверь детской. Но стоит руке коснуться полотна, как музыка вмиг стихает.

— Филл? — неуверенно спрашивает отец.

— Пап, это не я! — испуганно кричит сын.

Ветер за окном резко сменяется, ветви деревьев хлещут по окну, а по земле пробегает дрожь.

— Пап, это правда не я, — твердит ребенок.

— Не переживай, сын... — успевает сказать он, когда яркая вспышка озаряет дверной проём и окна, а в нос бьёт резкий запах гари.

Фрэнк что есть сил кричит, но голос меркнет под напором громоподобного рёва. Занавеска в детской вспыхивает, стены покрываются черными пятнами, дымят и заходятся огнем. А мальчик кидается к двери.

— Пап! — успевает крикнуть сын, когда волосы вспыхивают, кожа шипит от жара, покрывается коркой.

И сметающая всё на своем пути ударная волна срывает крышу с родового гнезда Катлов.

На секунду картинка замирает — схлопывается, и вокруг всё до каления становится бело. Звёзды играют в глазах ослеплённого ядерным взрывом зрителя, и массивный черный гриб затмевает собой всю ширину кадра.

Мгновение...

Свет уступает место тьме, а зритель испытывает пугающий, почти эсхатологический восторг. Бегут секунды, глаза Алана Грейсона привыкают к мраку, и он видит, как белые буквы отчетливо маячат по центру черного экрана:

«Для продолжения просмотра требуется платная подписка».

Информировал приятный женский голос цифровой помощницы. А браслет на руке завибрировал, оповещая владельца о новом сообщении. Найс уточнила: «Мистер Грейсон, вы подъезжаете к месту назначения».

[1] Эндрю Уолтер Рид — в прошлом известный тренер по американскому футболу, трижды приводил команду «Канзас Сити» к взятию Суперкубка. Член зала славы НФЛ. Иными словами, его достижения так же велики, как и его талия размера четыре икс эль.

[2] Отрывок из песни «No regret». Хеви-метал группа «MetallBeast», основанная в 2082 году. Звучание этих зверей — это не то, что вы хотели бы услышать, попивая лимонад на заднем дворе. Жестко, остро и на все сто асоциально. Состав: Дин Босвик — ведущий вокал,

ритм-гитара; Лэнс Дукет — соло-гитара, бэк-вокал; Брайан Марзини — ударные, перкуссия;
Керт Де Газтоно — бас-гитара.

Глава 2. Навстречу судьбе

10:00 AM

— Найс, найди кинотеатр в Джерси, где можно посмотреть «В шаге от рая» Скъюзека, — сказал Грейсон и тут же добавил: — И оформи бронь в ближайшем к дому.

— Ишу.

— Бронируй сеанс на девять вечера.

— Бронь оформлена, оплата прошла. Электронный билет и адрес высылаю на почту.

— Спасибо, Найс.

— Пожалуйста, хорошего вам дня, мистер Грейсон.

Нащупав браслет, он отключил полноэкранный режим и вернулся в реальный мир. С непривычки резко подскочил на месте, словно человек, пробудившийся от дурного сна.

И вот он вновь в обшарпанном вагоне, и хоть и утро, вокруг усталые задумчивые лица, и всё совсем не так, как в кино. Поправив галстук, он огляделся. Сидящая рядом пожилая афроамериканка мельком взглянула на него и осуждающе покачала головой, в уме ругая помещанную на гаджетах молодежь. Но промолчала, лишь фыркнула, поправила очки с цепочкою на дужке и вернулась к чтению новостей со старенького планшета.

Вагон качнулся, Грейсон поднялся и по привычке бросил взгляд на информационное табло. Ярко-желтые буквы бежали по экрану:

«23 октября 2087 года. Следующая станция — Всемирный торговый центр. Время прибытия — две минуты...»

«Время поджигает», — мысленно поторопил он себя, протиснулся к дверям и успел чудом ухватиться за поручень, когда поезд резко остановился в тоннеле. Сзади толкнули, кто-то вскрикнул, а он всем весом наступил на ботинок стоящего подле него мужчины. Извинился и, не найдя другого занятия, уткнулся взглядом в окно, разглядывая вереницы проводов, что окутали стены тоннеля.

Прошла минута, люди толкались и возмущались в голос. Легко коснувшись браслета, Грейсон вызвал чат меню и написал приятелю по колледжу:

«Привет, Дик. Смотрел “В шаге от рая”?»

Через секунду пришел ответ:

«Не, пока не видел, стоит того?»

«Это бомба, просто улёт! Я не знаю, как им такое дали снять. Как бы Скъюзека после премьеры не посадили. А если такое случится, то боюсь представить, что сделают с автором».

«Да не посадят режиссёра».

«А, автора?»

«Сценариста, что ли?»

«Руперт Эвери, вообще, писатель, но да, в сценаристах он тоже числится».

«Да хрен его знает. Тебе не пофиг?»

«Не знаю... просто там всё вот прям про сейчас, ну ты понимаешь... Вот всё как есть, без прикрас».

«Наверное».

«Ну да. Все же всё понимают. Так что думаешь?»

«Слушай, Ал, я сейчас немного занят. Меня пригласили в “Транс Оил”, вот жду в переговорке».

«Серьезно?»

«А что?»

«Да ничего. А я еду в “Эко Кор”».

«Тоже неплохо. А что куда?»

«Буду работать с Джимом, чтоб его, Коганом. Представляешь?))»

«Говорят, он немного того».

«Кто говорит?»

«Есть люди».

«Какие еще люди?»

«Нормальные, которые не ставят точки в конце предложений».

«Ну-ну, посмотрим, шутник))».

«Ладно, завтра всё в силе?»

«А то, отхвачу место, и пятница мой день Помпеи».

«Только давай без перегибов, а то я помню наш выпуск)».

«Когда вы искали меня, а я заснул в туалете)?»

«Ага, в сортире “Лаки Дакки”))».

«У человека нет прошлого))».

«Главное, чтобы настоящее было. Это я к тому, что притормози со всеми этими мыслями о сейчас и прочей трещине либеральной».

«Постараюсь».

«Уж сделай одолжение. Всё, бывай. Удачи!»

«И тебе!»

Оставив последнее слово за собой, Грейсон отключил чат, убрал и оповещения.

«Надо собраться», — сказал он себе и повторил дыхательные упражнения. Закончив, взглянул на отражение в стекле, невольно обратил внимание на мимику стоящих вокруг людей. Особенно выделялись двое, что стояли позади него. Крепкие, уже в возрасте и не без лишнего веса. Один повыше Алана, а в другом едва ли наберется пять с половиной футов роста [3]. Коротышка что-то увлечённо доказывал, почесывая залысину. В процессе увлекался и то и дело задевал стоявших рядом непослушными локтями, спешно просил прощения и с виноватым видом затихал на мгновение, опуская голову к груди. Тербил ус, чесал жидкие кудри на затылке и вновь заходился тирадой, энергично тыча мясистым пальцем в экран на стене вагона. Алан проследил за направлением его руки и отключил режим шумоподавления на наушниках.

И в ту же секунду к пестрому параду новостей добавились звуки.

— Смотри! Опять бабахнули, — недовольно заметил коротышка.

— Думаешь, и до нас эта волна дойдет? — меланхолично спросил его тот, что выше.

— Не знаю, Боб, но не нравится мне это. Говорю тебе, мир сошел с ума.

— Да брось, Пит, мир всегда сходил с ума, и мы как-то с этим справились.

Их разговор прервался, когда девушка из глубины вагона попросила пропустить ее вперед.

— Куда спешить, следующая всё равно конечная? — возмутился тот, что пониже.

— Но вы проходите, — освобождая дорогу, отозвался другой, что повыше.

И девушка протиснулась к двери.

Вжавшись в дверь еще сильнее, Алан Грейсон попытался встать поудобнее, но лишь сильнее уперся бедром в плечо сидевшего у входа пассажира. На что тот ответил смиренным рыком и тут же затих, уткнувшись в экран на стене вагона. Новостной шпигель [4] уступил место прямому включению.

— Смотри-смотри! — палец Пита вновь замаячил перед экраном.

Миловидная японоамериканка вела прямое включение с нефтедобывающей станции «Транс Оил» у берегов Антарктиды. Капюшон штормовки жил отдельной жизнью и то и дело стремился накрыть ее с головой. По лицу было видно, она давно с этим смирилась и, пытаясь не подавать вида, продолжала вести репортаж.

— Ага, конечно, никто не взял на себя вины за теракт, — возмутился сиплым голосом коротышка. — И так понятно, кто бабахнул, — хмыкнул он и сквозь зубы процедил: — Чёртовы узкоглазые.

— Ты думаешь, это китайцы? Думаешь, им одной войны не хватило?

— Конечно, Боб, а кто еще? — Пит выпучил глаза. — Сначала мы их отделали в восемьдесят втором, потом торговлю перекрыли, а теперь еще и в Антарктику с Африкой залезли. Вот они и мстят, — кашлянул Пит и тут же добавил: — Как могут.

— Да ну, брось! Бред! — отмахнулся высокий. — Русским мы тоже когда-то торговлю перекрывали, но никто ничего не взрывал, — сказал Боб и аккуратно подметил: — Даже в союзе теперь.

— Не-не-не, — завелся коротышка, — ты не сравнивай, с ними мы не воевали. И вообще, у комми был свой кодекс чести, если на то пошло, это тебе не желторотые.

— Ты их коммунистами назвал, серьезно, Пит? — иронично заметил высокий и тепло улыбнулся, играя бровями.

— Я... — начал было Пит.

— А вы не могли бы оба заткнуться?!

Двое растерянно уставились на пожилую женщину со стареньким планшетом в руках. Первым ожил коротышка.

— А вы не лезьте! — он резко вскинул палец вверх. — Нам говорят, Союз, чушь всё это! Мы подобрали осколки развалившейся страны и назвали их новыми штатами. Но это экспансия, а никакой не союз. И оккупация Сибири — это лишь цветочки, у нас чёртов президент уже выборы отменил и сидит на своем троне в Овальном, как чёртов император. Вот о чём думать надо! А вы мне тут шикаете, в жопу себе эти шиканья засуньте!

— Тише, Пит, — скрипя зубами, попытался урезонить друга Боб, но весь вагон уже смотрел на них во все глаза.

Оценив ситуацию, Алан поспешил включить режим шумоподавления на наушниках и отвернулся. И если бы поезд в тот же час не тронулся, кто знает, чем могла обернуться эта перепалка.

Прошла минута...

Поезд замедлил ход, остановился. И стоило дверям открыться, как поток пассажиров увлек Алана Грейсона подобно морской волне.

— Найс, дай выпуск новостей с Пятого канала, — бросил он впопыхах, активно работая локтями на выходе из подземки.

«Взрыв произошел в зоне отдыха, кафе “Балу”. Десять человек погибло, пятеро ранено. Трое из них в крайне тяжёлом состоянии. Пока ни одна из известных нам организаций не взяла на себя ответственность за инцидент», — подытожила корреспондент и дала слово ведущему в студии.

— Боже, — тихо пробормотал Алан и окинул взглядом людское столпотворение.

Вся улица от парка Либерти до мемориала «11 сентября» была заполнена вышедшими на протест людьми. Одни держали плакаты, другие слонялись без дела, разглядывая собравшихся и окружавшие парк башни. Людское брожение не прерывалось ни на секунду.

Мимо Алана прошел худощавый парень в потертой толстовке Сити колледжа и такой же выдавшей жизнь бейсболке с логотипом «Металлбист», плакат в его руках гласил:

«Мы этого не допустим! Нет войне! Скажи оружию прощай!».

Рядом стояла молодая студентка из Колумбийского с другим, еще более содержательным слоганом:

«Империализму Стоп! Долой диктатуру! Долой президента Дилана!».

— Найс, проложи маршрут до точки назначения, — шепнул Алан, разглядывая толпу и тяжело вздыхая.

— Маршрут построен.

Перед глазами Алана появились зеленые стрелки.

Первая уюстилась под левым ботинком, а остальные тянулись змейкой по тротуару и уходили вглубь толпы. Алан жестом свернул видеоряд новостей до минимума и больше слушал новости, чем смотрел:

«Группа китайских кораблей была замечена в нейтральных водах близ штата Калифорния. Пекин заявляет, что это навигационная ошибка в ходе учений. И данные действия никак не связаны с попыткой оказать давление на президента Дилана и на решение по отмене эмбарго. “Новое правительство Китая никогда не было заинтересовано в силовом решении вопроса” — так прокомментировал ситуацию глава МИД Китая на прямой линии. А нам остается лишь гадать, к чему еще приведет торговая война Континентального Союза и вновь набирающего силы Азиатского Блока...»

Следуя направляющим, Алан лавировал в людском потоке, оставив парк Зукотти позади, свернул на Бродвей. Ряды митингующих постепенно редели, уступая пальму первенства толпам туристов.

А полупрозрачный образ диктора продолжал маячить на периферии взгляда, переходя к новому блоку новостей:

«Тело пропавшего без вести Ричарда Бэнкса было обнаружено сегодня утром на парковке города Патерсон, штат Нью-Джерси. Смерть наступила от множественных огнестрельных ранений. Официальная версия — ограбление. Местоположение его напарника, Генри Паскаля, до сих пор не установлено. Детектив Бэнкс и его напарник расследовали дело о пропаже людей в городе и штате Нью-Йорк. Но в ходе внутреннего расследования были отстранены. За информацию о нахождении Генри Паскаля власти готовы выплатить вознаграждение...»

Алан свернул с Бродвея, оставив церковь Троицы позади, посмотрел на браслет. Циферблат показывал пять минут до опоздания, он поспешил ускорить шаг. А новости прервал рекламный ролик — отрывок из документального фильма о компании «Ред Кэп» на общегосударственном канале «Нэйшонал Дидс»:

«Мы ценим ваши привычки и знаем, как плотно они входят в быт, — сказал мужчина в форменной одежде компании, повернулся в пол-оборота. — Мы учли ваши мнения и с трепетом отнеслись к пожеланиям. Как инноваторов, так и сторонников классики, — ведущий программы плавно поднимает указательный палец и с улыбкой указывает на богатый модельный ряд гаджетов. — Именно поэтому компания “Ред Кэп” оставляет дисплей на умных браслетах. А вы уже сами решаете, как и где будет отображаться нужная вам информация, в особенности дата и время. Ведь одним подойдет циферблат на браслете, а другим ближе отразить данные на цифровых линзах.»

Ведущий возводит руки над головой так, словно стоит у алтаря. Браслеты, пейслайны, домашние колонки и системные пакеты умных домов — вся инфраструктура «Пейс Эйр» выстраивается в ряд, протягиваясь дугой над человеком в красной форме, и сверкает подобно иконостасу. А ведущий подмигивает Грейсону с экрана, говоря напоследок:

«Если это твой выбор, то твой выбор — “Ред Кэп”».

Алан смахнул в сторону окно с каталогом компании, проскочил пересечение Брод и Уолл-стрит, чудом увернулся от мальчишки с подтаявшим рожком и, тяжело вздыхая, шепнул: — Чёрт, только не детская экскурсия.

И тут же спас брюки от очередного, летящего без оглядки ребенка с шоколадкой в руке. Чуть придержав сорванца за плечо, отстранил его прочь и наткнулся на взгляд экскурсовода.

— Аккуратнее, мистер. Это же дети, — прочел он по губам.

— А это костюм за семьсот сине-зеленых, — ответил он, не слыша своего голоса.

И, видно, ответил так громко, что все родители в группе разом обернулись в его сторону, что-то возмущенно закудахтали, широко открывая рты, когда он проскользнул мимо них.

И поверьте, ему на эти возгласы плевать, ведь он уже на финишной прямой — идет скорым шагом к цели, и только голос ведущего новостей звучит фоном:

«К другим новостям. Сегодняшний день в Нью-Йорке обещает быть жарким. Студенческие движения объединили силы и планируют провести массовые демонстрации на Нижнем Манхэттене. Один из студенческих лидеров заявил на своей страничке в “Тэйс Эйр”: “Большое яблоко впору называть гнилым яблоком, мы не потерпим текущего политического курса и выйдем на улицы, хотя бы власти или нет!” Ждать ли властям города погромов, или всё обойдется мирно? На данный момент сложно сказать... — ведущий запинаясь и прикладывает палец к уху. — Но, как передаёт мне один из наших корреспондентов, полиция стягивает силы в район Чайна-таун. Подробности мы сообщим позже. Пока нам известно только то, что на пересечении Канал и Элизабет-стрит фиксируется массовая драка», — сообщил диктор и передал слово коллеге в студии.

Девушка в строгом костюме поправила папку на столе, легко коснулась волос и, поблагодарив коллегу, продолжила выпуск:

«Тем временем в Западном Мидтауне не прекращается забастовка работников санитарной службы. Представители департамента отказываются давать комментарии по данному вопросу. Но вот что нам стало известно...»

На экране появился корреспондент, позади него бушевала толпа рабочих.

«Как меня слышно, Сьюзан?» — спросил он и вжал голову в плечи, когда рядом об асфальт разбилась пустая бутылка.

«Отлично тебя слышим, Чарли. Что у вас сейчас происходит?»

«Как видишь, у нас горячо, почти весь Санитарный департамент вышел на улицы. А вскоре к ним присоединился и профсоюз водителей-дальнобойщиков. Силы правопорядка пока не предпринимают никаких действий. А я уже успел опросить рабочих, и стало понятно, что многих заботят последствия роботизации отрасли.»

«Спасибо, Чарли. Будь аккуратнее там, — говорит ведущая с фирменной улыбкой на лице и обращается к сидящему напротив коллеге: — Чед, тебе что-то говорят эти слова?»

«Отличный вопрос, Сьюзан, — отмечает ведущий и переходит к подготовленным данным. — Роботизация санитарной службы, — чеканит он каждое слово и сцепляет пальцы, — первоначально реформа задумывалась, как облегчение трудовых условий работникам департамента. Первым был модернизирован центральный пункт приёма на Блумфилд-стрит, что ныне известен многим как башня Санитарного департамента на Пирсе-53. Изначально планировалось снабдить бригады мусорщиков экзоскелетами от “ФТ Системс”, но с началом реформы быстро стало известно о закупке программного обеспечения “Эдж” от “УБС Технолоджис”. Это означает, что одними экзоскелетами дело не закончится, и вскоре на улицы пустят автоматизированные машины, не требующие присутствия оператора. Это и повлекло за собой веерные сокращения ввиду ликвидации рабочих мест. Что нас ожидает дальше, сказать сложно, но я уверен, это неделя пройдет с запахом.»

«Как пессимистично, Чарли, — говорит ведущая и, глядя в камеру, чеканит: — Связана ли волна сокращений с роботизацией отрасли? Чем опасен коктейль из митингующих студентов и бастующих мусорщиков? И куда смотрят власти города? Подробности мы узнаем из прямого включения от Рассела Дольта сразу после рекламы.»

«А с вами был Чед Стейси.»

«И Сьюзан Белл.»

«Это были новости Пятого канала, берегите себя.»

«И не переключайте канал.»

Улыбаясь во всю ширину рта, напутствуют ведущие, а по экрану бежит нарезка из ранее показанных событий.

10:13 AM

— Как всегда, вовремя, — улыбнулся Алан Грейсон, взглянув на часы.

Он остановился перед входом в здание, снял линзы и наушники (зная о ретроградных взглядах будущего начальника), убрал их в миниатюрный кейс и сделал глубокий вдох, задержал дыхание и, чувствуя, как пульс постепенно приходит в норму, медленно выдохнул.

— Просто будь собой, нервничай, но в меру. Ты получишь и эту должность, и эту работу, — сказал он себе и задрал голову кверху.

Головной офис «Эко Кор» поражал воображение монолитностью. Казалось, его стены воочию дышат историей и тайной, а непривычный для современного глаза неоготический стиль лишь подхлестывал эти чувства. Алан сверил время и позволил себе мгновение слабости, отступил на два шага и наслаждался видом.

Выполненные в бронзе буквы подчеркивали строгость фасада, а высокие окна над входом и выше придавали небоскребу сходство с собором. Он попытался разглядеть шпиль, но без улучшающих зрение цифровых линз тот расплывался вдали и терялся на фоне ясного неба.

Браслет оповестил вибросигналом, что отведённое на дорогу время закончилось.

10:15 AM

Поправив галстук, он прочистил горло и решительно скользнул в дверь револьверного типа. Но, оказавшись на шаг ближе к попаданию в корпоративную обойму, замер на месте. Внутренняя часть здания поражала пуще внешней. Высокие своды вестибюля были отделаны цветной мозаикой с позолотой, а стены и пол выполнены в причудливом сочетании красного и черного мрамора.

Не теряя более времени, он уверенно проследовал к стойке ресепшена. Теплый свет ламп едва касался пола и создавал особую атмосферу спокойного величия. Полутени играли на кожаной обивке диванов в зале ожидания, а выполненное в металле изображение двух рабочих с молотами мерно сияло, возвышаясь над стойкой ресепшена, подобно алтарю.

— Добрый день, сэр, чем я могу вам помочь? — пропела девушка за стойкой в строгом костюме и белой блузке.

— У меня сегодня первый рабочий день, — слегка смутившись, ответил он и широко улыбнулся.

— Как я могу к вам обращаться, сэр?

— Грейсон, Алан Грейсон.

— Приложите палец к ридеру [5], мистер Грейсон.

Пальцы девушки скользнули по клавиатуре, на лбу появилась едва заметная морщинка, когда она наклонилась к экрану.

— Нашла, — звонко сообщила девушка, — Алан Грейсон, помощник Джима Когана.

Вынув из ящика стола одну из пластиковых карт с логотипом компании «Эко Кор», она положила ее на стойку перед Аланом.

— Спасибо. Мне на пятьдесят восьмой, верно?

— Именно так. Не забудьте карту — не на всех этажах стоят ридеры, — почесав аккуратный носик, напомнила девушка. — И после общения с мистером Коганом обратитесь к его секретарше. Она должна заказать именной пропуск в отделе кадров.

— Еще раз спасибо.

— Хорошего дня.

— И вам, — бросил он через плечо, проходя рамку металлодетектора.

Охранник посмотрел на показатели и проводил его невозмутимым взглядом до лифта.

Грейсон нажал кнопку вызова, двери беззвучно открылись. Его приятно удивил тот факт, что внутри кабины не оказалось ни единого зеркала. Лифт плавно начал движение, а, набрав скорость, едва уловимо шумел, убаюкивал.

Пытаясь отвлечь себя и расслабиться, Алан мысленно рассуждал о дизайнерских решениях последних десятилетий: «Порой зеркала бывают полезны, но если припомнить, когда я последний раз ими пользовался? Обычно ты в лифте не один, и допустимо поправить галстук, но не более. А освещение. Где же это было? А, точно, на той суповой вечеринке [6] у Томми, — качнул он головой, улыбнулся. — Да, там был такой жуткий свет, что я подумал тогда, эта штука больше врата рая напоминает, а не лифт. Да и с зеркалами перебор был. Не то чтобы я не любил свое отражение, нет, дело, скорее, касается интенсивности светового потока. Тут приятный теплый полумрак, чувствуются *старые деньги* и величие. А там был холодный офисный свет. В таких кабинках ты, словно мертвец под лампой патологоанатома: виден каждый изъём твоего лица, каждая неровность кожи».

Прозвучал короткий звонок. Алан машинально шагнул в дверной проём, продолжая вести внутренний диалог, и чуть не столкнулся лбом с входящим мужчиной.

— Оу-оу, тише! К чему такая спешка? — держа перед собой руку, обратился к нему вошедший.

— Я вас не заметил. Просто задумался и...

— Не извиняйтесь, это всё нервы.

— О чём вы?

— Это не ваш этаж, это пятидесятый, а вам на пятьдесят восьмой, — указывая на цифровое табло, отметил незнакомец.

— Откуда вы знаете?

— Я вас озадачил, верно? — незнакомец пристально посмотрел на Алана, ехидно улыбнулся и, пользуясь растерянностью собеседника, подхватил инициативу. — Меня зовут мистер Карсон, — он крепко пожал парню руку, а свободную левую положил ему на плечо. — Проходите, — сказал Карсон, указывая правой на кабину и пропуская парня вперед.

— Мистер Карсон, — начал было Грейсон.

— Для вас просто Сидни, — расплылся Карсон в теплой улыбке, — начальник отдела безопасности, если вас интересует должность.

— Очень рад знакомству, — ответил Алан на автомате, а про себя подметил контраст между теплотой улыбки и холодом в глазах и подумал, что какая-то внутренняя неприязнь сквозила в этом человеке: странное чувство тревоги, словно нечто прилипло к тебе, и сколь ни старайся, его уже не стряхнешь.

Сидни пригладил затылок и прожал кнопку пятьдесят восьмого этажа.

— Знаю, у вас сегодня первый день, но вынужден предупредить: мистер Коган бывает резок. Трудоголик, что с него взять, — развел руками Сидни и осклабился. — Мы неоднократно намекали ему на отпуск, даже давали специальные условия по оплате в случае согласия. Но он был и есть непреклонен, — он сделал паузу. — Насколько я помню, в университете к вам подбивали клинья ребята из «Транс Оил»?

— Да, было дело, — ответил Алан и посмотрел на табло в лифте.

— Я вас утомляю?

— Что вы.

— Хм-м, так почему вы отвергли их предложение? Местечко-то сладенькое было.

— Как сказать, — скривился в ухмылке Грейсон, — еще в школе я шелкал тест Форда на завтрак вместо хлопьев. И единственное, о чём я с детства мечтал, так это работать с легендой и оставить след в истории, а не заниматься расчётами по устройству нефтеперерабатывающих заводов. Это исчерпывающий ответ?

— Даже более чем, — Карсон покрутил перстень на безымянном пальце и, кивнув, поджал губу. — И скажу честно: у руководства точно такие же пожелания, — рука Сидни вновь легла на плечо парня. — Поэтому буду крайне признателен за любую информацию.

— Не совсем понимаю, о какой информации идет речь? — слегка отстранился Алан.

— О той, что касается командной работы. Например, если заметите странности в поведении мистера Когана, нестыковки. Или, быть может, личные поручения, которые напрямую дела не касаются, — он прочистил горло и прямо посмотрел Грейсону в глаза. — В любой подозрительной ситуации идите к Сидни, а Сидни своих не забывает.

Раздался короткий звонок, двери открылись на пятьдесят восьмом этаже.

— Спасибо за дельные советы, мистер Карсон.

— Просто Сидни, молодой человек. Двери моего кабинета всегда открыты, — сухощавый мужчина козырнул на прощание, указал парню место назначения и ушел в противоположном направлении.

«Вот же говна кусок», — подумал Алан, глядя ему вслед. Бросил взгляд на браслет, чертыхнулся и поспешил на встречу.

[3] 5,5 футов — это 167,6 см; 1 фут — 30,48 см.

[4] Шпигель — короткая нарезка видеоматериала в начале новостного выпуска. Служит для ознакомления зрителей с основными темами выпуска.

[5] Ридер — устройство, удостоверяющее личность по отпечатку пальца или сканированию сетчатки глаза.

Глава 3. Обратный отсчёт с видом на залив Аппер

10:21 AM

Пол расчерчен цветными линиями: отдел макетов, проекторная, зал совещаний. А стены из прозрачных панелей отображали данные о сотрудниках, их присутствие на месте и текущую занятость. Всё создавало эффект открытого зала, всё, кроме закрытого глухими дубовыми панелями кабинета в конце, куда и вела ярко-красная линия.

И чем ближе Алан Грейсон к нему подходил, тем отчетливее он слышал знакомый по документалкам голос:

— Сколько раз мне тебе повторять?!

Прозрачные стены приёмной едва гасили слова.

Обладатель гулкого баса был явно чем-то недоволен, ходил из стороны в сторону, метался, как тигр в клетке. Алан сбавил шаг.

«Джим Коган, это чёртов Джим Коган!» — пронеслось у него в голове, когда за стеклянной дверью он увидел крепко сбитого южанина с голубыми глазами и проседью на висках.

И, судя по жестике и звукам, тот был готов вот-вот разорваться, подобно водородной бомбе, а хрупкая девушка напротив была в эпицентре грядущего взрыва.

— Марта, твою мать! Сколько еще раз тебе повторять? — погрозил пальцем Коган. — Если я говорю, что меня нет, значит, меня нет ни для кого. В особенности для моей бывшей жены! Это ясно?

— Сэр, но... — теребя рукав блузки, ответила секретарша.

— Да ты издеваешься! Я что, по-твоему, попугай? — мужчина откинул полу пиджака, провел рукой по подкладке. — Ты видишь перья под этим костюмом?

— Сэр, мистер Коган...

— Что? Что ты хочешь сказать, что ты извиняешься? Да мне насрать! Не нравится работа, не справляешься с обязанностями, так заполняй форму 12-45А и вали к чёртовой матери из моего лагеря! Ты меня поняла?

Он прервался, видя, как она подняла дрожащую руку.

— Что?

— Это форма вызова службы по борьбе с насекомыми, сэр, — неуверенно пояснила Марта.

— Нет, это Пол Верховен.

— Я не читала, сэр.

«Может, потому что это гребаный фильм?» — подумал Коган, но в лице стал мягче и, стараясь не повышать голоса, спросил:

— По звонкам всё ясно?

— Да, сэр. Да, мистер Коган.

— Отлично! Меня ни для кого нет до полудня. Усекла?

В ответ она кивнула трижды.

А он посмотрел на брюнета, наблюдавшего за ним из коридора, и чуть задержал взгляд: высокий, стройный, костюм ничего, но сразу видно, паренек небогат. А по глазам чувствуется — очень хочет вырваться в люди.

«Еще одна утка? — задался вопросом Коган. Ответа себе не дал и решил: — Если и так, посмотрим! Но коли уж он к тебе, осади его сразу», — закончив мысль, он сжал зубы, кивнул и обратился к Марте:

— До полудня.

— Да, сэр.

Хлопнув дверью, он удалился. А дух тирании застыл в воздухе и был так плотен, что хоть ножом режь.

Стараясь не выдавать тревоги, молодой брюнет подошел к приёмной. Аккуратно открыв дверь, приблизился к столу секретарши и поправил галстук.

— Добрый день, мэ, — мягко начал разговор парень, — меня зовут Алан Грейсон, я новый помощник мистера Когана.

— Да-да, одну минуту, — лицо Марты покрыл плотный багрянец, но она отчаянно пыталась взять себя в руки и не разреветься. — Сейчас я представлю вас мистеру Когану, попытаюсь. Надеюсь, у вас крепкие нервы, будьте готовы, — она шмыгнула носом. — Да вы и сами уже, наверное, слышали, что к чему.

— Не переживайте, бывают и куда более серьезные вещи, из-за которых не стоит расстраиваться. Вы выше этого, я уверен.

— Да куда уж там, — проронила она и через силу улыбнулась: — Спасибо, спасибо за поддержку, — она оторвала взгляд от стола, посмотрела на Алана и приняла поданный ей платок. — Да, думаю, и вправду не всё так страшно, — произнесла она уже куда более оживлённо.

— Еще как, юная мисс, — он бросил взгляд на именную табличку. — Или, быть может, миссис Хобс?

— Мисс, — ответила она слегка смущенно.

Алан задал пару вопросов, не относившихся к делу, отпустил шутку-другую, пригласил пообедать. Спустя считанные минуты от былых волнений не осталось и следа. А перед ним сидела красивая двадцатилетняя девушка с задорным блеском в глазах.

— Что мне еще стоит о нём знать? — подытожил их перешептывание Алан.

— Думаю, вы всё и так уже знаете. Просто помните, что мистер Коган не от мира сего плюс немного расист, плюс курильщик и... — она игриво улыбнулась и, поглядев по сторонам, тихо сказала: — Последнего помощника он ударил.

— Seriously?

— Угу, — закивала Марта, — он был поляк.

— И только? — улыбнулся Грейсон.

— И только. Поэтому помни, — она вновь начала загибать пальцы, — расист, курильщик...

— И просто отличный парень, — закончил он за нее. — Всё, пора встретиться со зверем! Запускай, Марти.

Она смерила его игривым взглядом и, нажав на кнопку интеркома, проговорила:

— Мистер Коган, к вам... — рык дикого зверя прервал ее сообщение.

— Какого чёрта?!

— Встреча, сэ...

В динамике послышался отчаянный вздох, молчание.

— Ладно, выкладывай, кто там еще? — и шеф спешно добавил: — Надеюсь, не моя бывшая жена, иначе...

— Нет-нет, мистер Коган, — пролепетала Марта, — прибыл ваш новый помощник.

— А-а-а, хорошо, пригласи его! — произнес он так, словно никого и не ждал.

— Проходите, — в глазах девушки читалось сочувствие.

10:27 AM

Поправив галстук, Алан уверенно вошел в кабинет. На пороге застыл, отметил на стенах темного цвета панели — натуральное дерево, лампа, массивный стол, огромное кожаное кресло и пепельница возле папки из кадрового отдела. Этот контраст поражал, казалось, тот коридор и все отделы из века грядущего — двадцать второго, а этот словно застрял в далеком двадцатом столетии.

Но парень не подал виду, вошел и, не мешкая, взял инициативу в свои руки.

— Добрый день, сэр, — энергично сказал он с порога, — меня зовут Алан Грейсон, я ваш новый...

— Знаю-знаю, — отмахнулся Коган, стоя напротив ростового окна.

Посмотрел на часы и нахмурился.

— Знаешь, как в жизни бывает? — не отрывая взгляда от вида из окна, спросил он.

— Когда видишь возможность и готов к работе? — ухмыльнулся Грейсон.

— Не совсем, — мрачно процедил Коган, не оборачиваясь, и жилка заиграла на виске. — Моя жена. В ней проблема, — он едва слышно присвистнул. — Представляешь, мало того, что эта сука оттяпает себе половину всего, так она еще и попрекает меня детьми.

Он зло ухмыльнулся, наблюдая, как суда рассекают водную гладь залива.

— Я, видите ли, уделяю им мало времени. А ничего, что мы в шаге от развода? — синхронно подняв руки и брови, вопрошал Джим так, словно репетировал сцену в спектакле.

— Да-да, мистер Коган, понимаю, — наигранно запинаясь, выдавил из себя Алан.

— Да, ни черта ты не понимаешь! — махнув рукой, Коган устало вздохнул. — Сначала они все такие, — повел плечом, — замечательные, красивые и нежные, но стоит только одеть им на палец кольцо, как всё катится к чёртовой матери, — рассудил он, не отрывая взгляда от уходящего вдаль паррома, и закурил.

«Что за бред он несет?» — пронеслось в голове Грейсона, когда владелец кабинета продолжил монолог.

— Не проходит и года, как они превращаются в грёбаного червя, сосущего из тебя все соки... — Коган пустил дым к полу, вновь затянулся. — Солитёра с обвисшей жопой, мать его. Так-то, — он устало склонил голову, помассировал зудящий висок. — Хотя кому я это рассказываю, у тебя же еще всё впереди, — добавил он, смягчившись, выпрямился и, развернувшись к претенденту лицом, озарил его формальной улыбкой.

— Располагайся, — хозяин кабинета указал на стул, а сам, обойдя стол, сел в здоровенное кресло и разгладил лежащую перед ним папку.

Откинувшись в кресле, он выдержал паузу, затянулся. Пробив барабанную дробь по подлокотнику кресла, подался вперед и затушил сигарету.

— Ладно, сопли в сторону, поговорим о деле, — фыркнув, подытожил Коган. — Как, говоришь, тебя зовут?

— Алан Грейсон, сэр, — отчеканил парень.

— Хм, Грейсон, — произнес Коган, смакуя каждый слог, — мне нравится. Хорошая фамилия, есть в ней что-то металлическое, что-то в послевкусие, — мельком взглянул на кандидата и добавил: — Надеюсь, ты ее стоишь.

— Мое резюме тому лучшее подтверждение, — расправив плечи, сообщил Алан.

— Да? Не смотрел.

— Как? Но как же...

— Я что, похож на кадровика? — прервал Коган и, не дожидаясь ответа, продолжил опрос: — Откуда ты родом?

— Джерси-Сити, сэр, — сдерживая гнев, ответил Алан.

— Да ладно, а с какой улицы?

— С Уильямс-авеню, сэр, она пересекается с Вест-Сайд авеню, возле Лин...

— Линкольн-парка, знаю-знаю. А я с Уэлш-Лэйн, закуток недалеко от синагоги, что на Гаррисон. Кто бы мог подумать, парень из Джерси! — сказал он и осклабился, вновь выдержал паузу, которая Грейсона уже изрядно подбешивала.

— Хорошо, парень из Джерси, — Коган хлопнул ладонью по столу и в одночасье посуровел, — работы нам предстоит немало, поэтому буду говорить прямо. Следуй моим правилам,

и всё пойдет как надо. В принципе, правило у меня только одно: всегда помни, что соседский мальчик мечтает о твоей работе, — погрозил пальцем Коган.

— Именно так, сэр! Всё, как в песне Элвиса: плоть, кровь и кости.

— Молодец, подготовился, — улыбаясь, кивнул Коган. — Но на всякий случай разжую тебе мои установки поподробнее...

Входящий звонок прервал его.

— Что там еще, Марта?

— Мистер Орден на второй линии, сэр.

— Хорошо, — Коган приложил палец к губам, давая знак молчать.

Тяжело вздохнул и напрягся, а морщины на лбу собрались в кучу, подобно борцу, вставшему в стойку. Он переключил линию и поднял телефонную трубку старого образца.

— Привет, Стив, если ты хочешь справиться о ходе работ над проектом, то второй звонок за день я считаю лишним. Всё идет своим чередом, к концу квартала мы закончим...

От услышанного в ответ брови Когана резко поползли вверх.

— Что?! — губы вытянулись в дугу, скошенную к полу. — Ты уверен? Сколько у нас времени? Но откуда такая информация?!

С секунду он сидел, подобно каменному изваянию, из трубки послышались гудки.

— Что-то не так, мистер Коган? Может быть, я зайду попозже, а пока ознакомлюсь с делами? — на секунду Алану показалось, что у шефа приступ.

Лицо Когана застыло, взгляд стал пустым, а левая скула непроизвольно дернулась.

— Нет, в порядке, всё в порядке. Дела, да кое-что еще можно успеть, — он опустил трубку, нажал кнопку селектора. — Марта, мне нужен обратный звонок на номер, с которого звонила моя жена!

— Мистер Коган? — выдавила девушка.

— Я абсолютно серьезно, мне нужно связаться с женой.

— Хорошо, сэр, — в голосе девушки застыло недоумение.

Коган с силой прижал аппарат к уху: длинные гудки, ожидание.

И, наконец, из трубки послышался приятный щебечущий голос женщины в годах:

— Алло.

— Это Коган, мне нужно поговорить с Маргарет.

— Она не хочет с тобой говорить, Джимми, — тяжёлый вздох. — Ты, вообще, в курсе, что она всё утро пыталась до тебя дозвониться? Секретарша говорила, что тебя нет на месте: ты на совещании, ты в космосе или еще где-то, — миссис Митчелл перевела дыхание. — Ты где угодно, но только не там, где нужен. Для этого я растила свою дочь... — она поправила очки-половинки, — чтобы какой-то мужлан разбил ее сердце, а потом появлялся по своей прихоти? Подумай хотя бы о детях! Что вы вообще делаете, мистер, кроме того, что думаете только о себе?

— Миссис...

— Даже не начинай, Джимми. Нет, я не готова видеть, как мои внуки растут в неполноценной семье, — голос старушки смягчился, она прикрыла рот ладонью и перешла на полусшепот: — Позвони позже, она не готова сейчас с тобой говорить, Джим.

— Миссис Митчелл! Это дело жизни и смерти, поверьте мне. Позовите уже дочь к телефону. Если вам действительно так важна дальнейшая жизнь внуков.

— Да, что ты такое говоришь?! — в голосе смешались ноты возмущения и страха.

— Миссис Митчелл, Дороти, — он вытер выступивший на лбу пот, — срочно позовите вашу дочь к телефону, прошу вас!

Ответа не последовало, лишь едва уловимый шорох в трубке и звук удаляющихся шагов. Треск то нарастал, то стихал, а время шло.

Словно из-под толщи воды Коган услышал гулкое эхо — голос миссис Митчелл:

— Маргарет, телефон.

— Кто там еще, мам?

— Джимми объявился, просит тебя. Говорит, там что-то важное...

Неразборчивая речь в ответ.

— Милая, я всё понимаю, но поговори с ним. Он звучал очень тревожно, — на последнем слове помехи ушли, громкость вернулась.

От неожиданности Джим отдернул трубку от уха, но тут же прильнул обратно.

— Вот и правильно: пускай потревожится — надо когда-то начинать, — услышал он голос жены.

— Маргарет Коган, я не буду повторять дважды, возьми эту чёртову трубку! Что вы грызетесь, как собаки, не поделившие кость? Должен же кто-то из вас быть здравомыслящим человеком.

— О боже, мама!

— Маргарет Коул Митчелл [7], я больше не буду тебя просить.

— Хорошо-хорошо! Я поговорю с ним, только не начинай, мам.

В трубке послышались звуки приближающихся шагов. Каблуки зло вгрызались в пол, чеканя каждый шаг.

— Как всегда, добился своего, Джим? — сказала жена в трубку.

— Маргарет, у тебя с собой ключи от дома в Бруклине?

— Тебе нашего разговора утром не хватило? — буркнула она шепотом. — Хотя нет, забудь, — она повысила голос: — Я достаточно зарабатываю, и мне не нужен наш-твой дом, ни в Джерси, ни в Бруклине. Можешь тащить туда всех окружающих девок!

— Да услышь ты меня! — чуть не закричал в голос Джим.

— Уже слышала и видела! Кстати, как там мисс красивые сиськи поживает? — она сдула прядь темных волос со лба. — Наверное, уже показал ей свою коллекцию старых фильмов, а, Джимми? — локон упрямо сполз на глаза, и она вновь вернула его в строй.

— Марджи, послушай... — пропустив мимо ушей очередную тираду жены, взорвался гулким басом. — Заткнись! Бери детей, маму и как можно быстрее беги к дому в Бруклине! — а про себя подумал: «Надеюсь, ты верна себе и ключи при тебе».

— Джим, я не понимаю, ты совсем...

— Да что тут непонятного?! — перебил он ее. — Ты должна как можно быстрее бежать в дом на Клинтон-стрит. Как доберешься, всё поймешь.

Потеря Коганом компании «Гиперион Энерджи», маячащее на горизонте банкротство и, как вишенка на торте, скандальные фото из стрип-клуба, которое повергло его брак в прах. Всё это не единожды раздувалось прессой. Джим был под постоянным наблюдением: журналисты сновали возле его дома; отдел безопасности «Эко Кор» не спускал с него глаз, и даже чёртов налоговый орган нет-нет да и навевывался с проверкой, изучая счета и траты. Лишь одну тайну он смог сохранить — документы из госреестра от 2080 года, в одной части которого говорилось о стройке башни «Гиперион» в Нью-Джерси. В другой — речь шла о трёхэтажном доме в Бруклине на Клинтон-стрит, а именно: строение 151.153.155.159. Где после подачи заявления в отдел городского планирования в 2082 был одобрен капитальный ремонт с заменой несущих конструкций. Джим дорожил этой тайной, привлекал к работе третьих лиц, каждый месяц менял строительные бригады — был крайне аккуратен. К 2083 объект был сдан, и никто не догадывался, что под домом организовано личное убежище Судного дня, что готово сокрыть, уберечь и прокормить четверых взрослых. И даже сейчас, когда жена в панике спрашивала его, что стряслось, он молчал, помня об осторожности, свято храня тайну четвертый год.

— Ты всё поняла?! — вновь гаркнул Коган, слушая, как жена осыпает его вопросами.

— Я надеюсь, ты шутишь.

— Нет.

— Джеймс, ты в своем уме? Ты трезв? — она вновь отчеканила набившие оскомину вопросы.

— К сожалению, да.

— Точно? — уточнила она с сомнением в голосе. — Последнее время ты очень странно себя ведешь, и эта история...

— Да, уверен! — он бросил взгляд на Алана. — Меня предупредили сверху. Это не шутка, — понизив голос, он почти шепотом сказал: — Пожалуйста, Марджи, поторопись и передай детям, я их лю...

Связь резко оборвалась, в трубке лишь тишина.

— Твою мать! — Коган с силой ударил ладонью по столу.

На мгновение его поглотило отчаяние, он обхватил лицо руками. От лезущих в голову мыслей сердце сдавила тягучая липкая боль. Не замечая ничего, кроме чувств, он с силой отбросил трубку прочь. Пластик жалобно пискнул о стену и, треснув посередине, трубка развалилась на части.

— Сэр, что-то случилось? — Алан понимал: вопрос звучит глупо, но иные слова не пришли в голову.

Сидевший напротив него босс молча достал сигарету и замер в ожидании. Взгляд его, казалось, устремился в пустоту, а на лице всё явственнее проступало отчаяние.

«Это конец», — мысленно резюмировал Джим.

Ёрзая на стуле, Алан не находил себе места. Окружающее пространство давило, он представлял свой первый день в компании и не раз, но не в таком свете. Пытаясь собраться, он сделал глубокий вздох, провел языком по нёбу и молча наблюдал, как незажженная сигарета в руке Когана балансирует, подобно канатоходцу над пропастью.

— Мистер Коган, с вами всё в порядке? — подавшись вперед, осторожно поинтересовался Алан.

«Всё не в порядке», — прозвучало в голове Когана.

Он медленно поднял взгляд на парня и не своим голосом сказал:

— Нам надо как можно быстрее выбираться из этого стеклянного гроба.

10:35 AM

— Прошу прощения, сэр? — невольно усмехнувшись, обратился Алан, поднимаясь со стула, и посмотрел на браслет. — Вам явно нездоровится... Может быть, я могу чем-то помочь? Я могу взять ваши проблемы на себя, только скажите, — он натянуто улыбнулся.

«Вот же придурок», — пронеслось в голове Когана.

Смерив парня холодным взглядом, он сказал:

— Да, точно. Возьмешь проблемы на себя, — горько усмехнулся Джим. — Вот, возьми ключи от машины, через минуту она должна стоять у входа. Место 112, второй этаж подземной парковки под зданием.

— Считайте, что машина уже подана, мистер Коган, — козырнул Грейсон и устремился к двери.

— Погоди, — окликнул Коган.

— Да, сэр?

— Джим, зови меня Джим, парень.

Стоило ему договорить, как горизонт озарился всполохом света. Он машинально отвернулся и соскочил на пол. Всполох и еще один, на горизонте медленно вырастал гриб от взрыва, и полная тишина сопровождала действие.

«Суки, они всё-таки сделали это», — красной строкой взвились мысли в голове Когана.

И в тот же момент он услышал испуганный крик Алана. Подняв к лицу руки, тот пятился и раз за разом повторял:

— Я не вижу! Не вижу! Ослеп!

— Всё в порядке, — бросил Джим.

— В порядке?! — широко раскрыв рот, завопил Грейсон, вертясь на месте, словно умалишённый, рванулся в сторону, сбил стул, споткнулся и упал на пол, чудом не расшибив голову о тумбу у стены.

— Это от вспышки, не волнуйся, зрение вернется, — гаркнул Коган, а про себя добавил: «Наверное».

Поднявшись на ноги, подбежал к окну и, шурясь, посмотрел на ближайшее грибовидное облако от взрыва.

— Наземные! Какого чёрта наземные? — шептал он, словно мантру.

А перед глазами уже плыли видео из уроков гражданской обороны. Они еще в пятидесятых стали вновь актуальны, а после Третьей мировой (Большой Третьей) их и вовсе крутили по всем каналам семь на два и усиленно преподавали в школе. Но в данный момент Джиму было глубоко насрать на школьное образование, и вспоминал он лишь разницу между типами подрывов. Свечение уж почти стихло — можно было разглядеть гриб и ножку. И как он ни пытался, понять не мог, почему удара по Манхеттену не было. И почему заряды не подорвали в воздухе? Да, наземные взрывы дадут сейсмический эффект землетрясения, но главное — зачем всё так усложнять, когда можно испарить всё в мгновение ока — одним ударом по *центру мира*?

Все эти размышления ворохом сплелись в сознании Когана, заняли секунду-другую и тут же исчезли, когда он прислонился раскалённому стеклу.

— Ай, сука! — Джим отдернул руку, обжегшись.

И тут же осознал — не будь этой зеркальной поверхности меж ними и вспышкой, они бы тут поджарились, как стейк на гриле.

— Что происходит? — испуганно крикнул Алан.

— Сложно объяснить словами, — вскинув руку к горизонту, процедил Джим.

— Так, мать вашу, попробуйте!

— Ну, я в часы затишья развлекаю себя измерением расстояния на глаз.

— Что?!

— И большой палец порт Ньюарк закрывает, — шурясь, облизнул губы Джим.

— И какого хера это значит?!

— Тихо!

Вытянув руку, Джим наложил большой палец на вырастающее над портом Ньюарка облако грибовидной формы.

— Ну, давай, сука, давай, только попробуй вырасти больше, — шептал он, видя, как от надвигающейся ударной волны побежала рябь по заливу Аппер.

А сознание молило лишь об одном: «Только бы не вышел за края».

— Джим...

— Так я и думал, эпицентр не шире ногтя, — Коган, щелкнул пальцами, — значит, это примерно семь с половиной. Нет. Восемь миль, — он спешно вытер лоб от пота, — с учетом скорости: одну милю волна пересекает за секунду, плюс погрешность и время на замер, значит, у нас примерно 20 секунд. Минус время на замер, 15 секунд. Алан, ты меня слышишь?

— Я только этим и занимаюсь, Джим! — слова растянулись по кабинету, оседая страхом на стенах.

— Ляг на пол и досчитай до пятнадцати!

— Что?!

— До десяти! Настало время отдать последнее распоряжение, — подскочив к селектору, он нажал кнопку громкой связи: — Внимание, внимание...

— Девять, восемь, семь, — отсчитывал Алан в голос.

— В течение ближайших секунд нас накроет взрывная волна!

— Шесть, пять, четыре...

— Всем необходимо найти укрытия или незамедлительно упасть на пол, дабы не попасть под поражающий эффект ударной волны.

— Три, два...

С гримасой ужаса на лице в кабинет ворвалась Марта.

— Мистер Коган, вы видели это?!

— Падай на пол, дура!

— Один, ноль... — считал ослепший парень.

— Что?! — взбеленилась девушка, глядя, как босс рыбкой ныряет под стол.

«Они не слышали меня. Может быть, электромагнитной импульс сжег электронику или...» — додумать Коган не успел.

Сметая всё на своем пути, незримая волна обрушилась на здание, подобно цунами. Окна, рамы, интерьер — всё сплелось воедино и налетело на оцепеневших от страха людей сродни рою диких пчёл. Пол под ногами дрожал, одна волна следовала за другой, и рёв был такой, словно кто-то выкрутил динамик на полную катушку, а в эфире играла лебединая песня всему человечеству.

[7] Митчелл — девичья фамилия жены Когана.

Глава 4. Синдром оператора

Казалось, прошла вечность с тех пор, как последний вал вгрызся в фасад башни и, сея разруху, собрал новую жатву, а, закончив, вырвался прочь и осыпался градом на головы снующих по улицам людей.

Бежали секунды, отзвуки взрывов стихали, оставляя звенящую память в ушах. Коган стряхнул с себя осколки, прикрыл рот галстуком, попытался оценить обстановку. Запах гари и пыль, словно мошकारа, обжигая, лезли в рот и глаза, а порывистый знойный ветер нещадно хлестал по лицу.

Коган уже начал разбирать звуки. Стоны и плач. Мольбы о помощи доносились отовсюду, перемежаясь с криками ужаса. Он приподнялся на локтях, выглянул из-за стола. В дверном проходе неподвижно лежала Марта. Руки, ноги, одежда... всё было покрыто вездесущей пылью, словно кекс пудрой.

«Да, они тебя не слышали», — мрачно уверил его внутренний голос.

Коган перевел взгляд на пустое окно, лежавшее рядом с ним тело резко подняло голову и закашлялось.

— Мистер Коган, вы тут? — прохрипел Грейсон.

— Ага, и вроде цел, но стекла за ворот изрядно насыпало, — откликнулся Джим, осматривая себя. — Ты сам как?

— Б-бывало и лучше, — вновь закашлялся Грейсон и стряхнул пыль с плеча. — Перед глазами всё плывет... И вот же чёрт, кажется, руку поранил.

Усевшись на полу, Грейсон тяжело задышал и уставился в потолок. Белки глаз выделялись на затянутом пылью лице, а на лбу медленно проявлялись черные борозды от выступившего пота. Руки потянулись к лицу.

— Эй, парень, не трогай глаза, — махнул рукой Коган, но тот не отреагировал. — Грейсон!

— Что? — повернул голову на голос Алан.

— Не три глаза, говорю, — поднялся из-за стола Коган.

— Хорошо-хорошо, — словно в забыты, ответил парень и уставился пустым взглядом на Джима. — Что будем делать, сэр?

— А ты сам что думаешь? — язвительно поинтересовался Коган и сплюнул скрипящий на зубах песок.

— Думаю, первым делом надо покинуть здание. Кто знает, насколько сильно оно пострадало.

— Жаль, только кофе хотел предложить. Может быть, еще пару бомб и пойдём?

— С вами точно всё в порядке? — отстраненно спросил Алан.

— Да-а, — протянул Коган, — всё просто отлично. Это стресс на меня так влияет. Ты меня видишь? — он махнул рукой и указал на себя пальцем.

— Ничего не вижу, всё в тумане. Я же говорил уже.

— Ну да, точно, — тряхнул головой Коган. — Ладно, ползи на голос, помогу тебе подняться.

— А зачем ползти?

— Доверься мне, ползи.

— Могли бы и сами подойти, если уж так хотите помочь, — с детским упреком в голосе заметил Грейсон.

— Да, мог бы, — по спине пробежала дрожь, — но на месте окна теперь одна сплошная дыра. Ты что, не чувствуешь порывов ветра?

— Чувствую — и что? Вы что, высоты боитесь?

— Да не боюсь я высоты! — рявкнул Коган, а в голове пронеслось: «У него шок, сделай скидку».

— Ага, жене рассказывайте!

— Следи за языком. И, между прочим, твой рабочий день еще не закончен. А я всё еще твой босс.

— Ну, так увольте, — пожал плечами Грейсон, не поднимая рук, и непроизвольно приснул со смеху.

— Не могу. Бухгалтерия не работает, да и юристы все разбежались, — нервно выпалил Джим.

— А вы шутник, сэр, — покачал головой Алан.

— А теперь без шуток, парень, ползи на мой голос. Только я тебя прошу, аккуратнее.

Алан последовал совету, перевернулся на живот и неумело пополз к столу. На полпути почувствовал, как костюм пропитывается влагой. «На воду не похоже, больно густая, и этот запах», — рука легла на мягкую, еще теплую плоть, он резко отстранился и припал спиной к столу босса.

— Джим?!

— Это мисс Хобс, — с досадой в голосе ответил Джим, — она мертва.

— Боже...

— Сиди на месте, я к тебе подойду.

С силой вцепившись в край стола, Джим поднялся на ноги, бросил взгляд в сторону двери.

Юная помощница лежала на спине, руки раскинуты, голова чуть поодаль от тела. Порыв ветра хлестнул Когана по лицу, выбив из него пыль, как хозяйская палка из старого ковра. Прищурившись, он окинул взглядом горизонт. В фасадах окружающих зданий зияли черные бойницы окон. Ни света, ни жизни. Лишь горизонт полыхал и рябил, как полотно дороги в знойный летний день.

По коже побежали мурашки, ладони взмокли. Он хотел подойти ближе к окну, выглянуть и узнать, цел ли Бруклин, но страх высоты взял свое. Пальцы пуще прежнего вцепились в край стола, а пот ручьем катился по спине, и он даже не почувствовал, как мелкие осколки стекла вгрызлись в кожу.

До оконного проёма было футов шестнадцать [8], но Коган обходил стол с такой осторожностью, словно шел по канату над Ниагарой.

— Грейсон, — коснулся он плеча парня.

— Да? — не оборачиваясь, спросил тот.

— Дай руку.

Продолжая держаться за стол левой, Джим ухватил поданную руку и притянул парня к себе. Вновь посмотрел вдаль: казалось, бесчисленная череда построек была свалена в единое кострище, и горела даже вода.

Глубокий вдох, Джим расцепил пальцы и оттолкнул себя прочь от стола.

— Пошли, — услышал он свой голос, словно издалека.

Спешный шаг, второй и третий.

— Так, аккуратнее. Перешагни, — пот струился по лицу, — отлично.

Внезапный рывок заставил его припасть на колени.

— Извините, я не нарочно, — виновато начал Алан.

Казалось, что сейчас он ударится в слёзы.

— Да всё отлично, ты молодец, — подбадривал Джим, а сам посмотрел на истерзанное осколками тело Марты и завалившегося рядом с ней парня. — Всё хорошо, дай мне руку, я помогу подняться...

К горлу подкатил ком, Коган не выдержал и выплеснул завтрак на пол.

— Сэр?

— Всё в порядке, — успокоил он, вытер рот тыльной стороной ладони и почувствовал, как налипшие на кожу осколки царапнули губы. — Не торопись, я помогу подняться.

Алан почувствовал, как Джим медвежьей хваткой сцепил его запястье. Ладонь была настолько влажной, будто его босс сражался за золото на олимпиаде. Подняв парня в одно движение, он помог перешагнуть через мисс Хобс. Пнул стоявший на проходе стул и вышел с Грейсоном в коридор.

10:38 AM

От бывшего величия конструкторского бюро «Эко Кор» не осталось и следа. Фальшпотолок местами провис да обвалился, а большей части внутренних перегородок словно и не было. Мимо прошел человек, покрытый пылью с ног до головы. Джим окликнул его, тот не отозвался, лишь брел себе неровным шагом в известном лишь ему направлении, а по спине растекалось темно-багряное пятно. Мужчина продержался недолго — ярда три, опустился на колено и упал ничком. Джим огляделся, тут и там из-под осколков выбирались выжившие. Одни помогали коллегам, другие в немой агонии сидели и надрывно рыдали. Двое мужчин пробежали мимо них, торопясь к забитому людьми лифту.

«Вот же идиоты», — подумал Джим и резко втянул голову, когда кусок фальшпотолка обрушился на пол в пяти футах от них, и, будто из чрева поверженного зверя, вывалилась проводка разной формы и цвета.

— Что это было, Джим? — спросил повисший на плече Алан.

— Ничего. Надо торопиться.

Притянув его к себе, Джим шел так быстро, как мог. Всюду валялись некогда важные бумаги, вещи да истерзанные осколками тела. Запах металла витал в воздухе, а битое стекло хрустело под ногами, словно первый снег после морозной ночи. Двое шаг за шагом пробивались через завалы к двери на лестничный пролёт.

Пробовать вызвать лифт желания не было, даже если в нём все системы продублированы и надежно заземлены.

— Это слишком рискованно, — шепотом резюмировал Джим.

И, глядя на лежащие тела, вновь задумался: «Если лифт работает, значит, резервное питание сработало штатно, но как они могли тебя не услышать? И почему не укрылись? Может, запаниковали? Или... — и тут он понял. — Им было плевать, уверен, треть ничего и не поняла, лишь схватилась за драные пейслайны и побежала снимать сториз. *Идиоты*. Какие же вы все идиоты!»

В тот же миг его охватило знакомое чувство, словно нечто вязкое падает на него с небес, холодом растягивается от темечка до спины. По инерции он пытается бороться, но склизкие пути уже охватывают всё его тело и устремляются в рот, прямо к горлу. И с каждым движением сил меньше, и вот — нет вовсе.

Всё, он канул в пучину мерзкого чувства — отчаяния.

И нет более движения, лишь где-то на периферии мысли играет проектор. На экране мужчина в белом костюме вертит на пальце пенсне на цепочке, величаво расхаживает по кабинету и меряет ударом трости шаг. Бьёт стальным набалдашником по доске и зачитывает лекцию:

«Уж не единожды я освещаю этот материал. Пишите: “Синдром оператора”. Именно так называется эффект, вернее, болезнь, коей подвержен каждый третий в нашем социуме. Проявляется он в час острого стресса, чаще среди мирных жителей в ходе войны или во время теракта. Подверженные хвори не осознают реальности происходящего во время приступа. Бегут к огню, словно мотыльки на свет, в желании заснять и поделиться находкой в социальных сетях. Это может быть фото или видео яркой картины, чаще остро насильственной. Главное, из-за фиксации на камере человек не ассоциирует происходящее с реальностью. И в большинстве случаев погибают, как и сейчас...»

Хлопок и будто видеовставка:

«Хотите узнать больше? Переходите по прямой ссылке и наслаждайтесь лекцией ведущего социолога XXI века Стивена Адамса: “Метавселенные и все жертвы интернета версии Веб 5.0” — доступно только на образовательном канале “Нейшннал Дидс”».

Коган почувствовал, как его трясут за плечо, и только сейчас услышал встревоженный голос новоиспечённого помощника. Такой гулкий и далекий, словно кто-то пытался докричаться до него из-под толщи воды.

— Сэр? Мистер Коган. Джим?!

— Да...

— Что с вами?

— Просчитываю ходы, — сухо ответил Коган, а сам и не знал, как описать свалившийся на него приступ.

«Резервный генератор должен работать, но в каком состоянии шахта и лифт? Нет, даже не думай. Это чистой воды самоубийство», — мысленно подытожил он, а вслух сказал:

— Идем к пожарной лестнице.

Пройдя большую часть дистанции, он увидел кровавый — темный шлейф. Змейка жизни тянулась к выходу на лестничный пролёт. Трудно представить, каких внутренних сил был этот человек, но раны одержали верх, и тело в проёме было тому подтверждением.

— Где мы сейчас, Джим?

— Уже почти пришли.

— Пить хочется.

— Потерпи, уже почти на лестнице, осталось только преодолеть небольшую преграду, и мы будем на полпути, — тяжело дыша, соврал Коган и отер лоб левой рукой. — А как спустимся, там и вода, и снеки. Клянусь, разобью автомат, и напьемся до колик в животе, — выждав паузу, он позвал: — Алан...

— Да?

— Я тебя сейчас поддержу, а ты должен сделать шаг вперед, только поднимай ногу выше, в проёме лежит труп.

— Хорошо.

— У него из спины торчит крупный осколок, не порежься...

Коган старался не смотреть вниз, остатки завтрака вновь просились наружу. Перешагнув через тело первым, подал руку спутнику. Алан шагнул левой, перенес на нее центр тяжести и подтянул правую.

— Ага, вот так. Молодец.

Пот струился по лицу Джима, он закинул его руку на плечо, прижал к себе парня и был готов к началу спуска.

— Сэр, Джим, кто тут лежит? — неуверенно спросил Алан.

— А это так важно? — начал заводиться Коган.

— Для меня — да, — расслабил галстук свободной рукой Алан. — Кажется, я его знаю.

— Зрение вернулось? — с сомнением в голосе поинтересовался Джим.

— Нет, просто этот запах одеколona.

— Чего запах? — мотнул головой Коган, теряя терпение. — Да я своей вони...

— Просто посмотрите. Вдруг мы можем помочь.

— Чёрт, — стиснул зубы Коган, — ну, давай посмотрим, — скривившись, он выдохнул, аккуратно приподнял тело мыском ботинка и с отвращением на лице отстранился. — Твою мать!

— Что там?

— Да ничего!

— Вы его узнали?

— Да, это сотрудник отдела безопасности, — сплюнул он в сторону. — Если о покойниках и не говорят плохо, то этот гондон явно не тот случай, — Джим прикрыл рот рукой, отвернулся. — Не думал, что когда-нибудь увижу его в таком состоянии.

— Мистер Карсон? Сидни Карсон?

— Сидни?!

— Он так сказал.

— Ты его знаешь? — голос стал в одночасье серьезным.

— Да, он перехватил меня в лифте.

— И?..

— И всё.

— Поверь, Алан, это не тот человек, из-за кого надо расстраиваться, идем, — одернул полу пиджака Коган. — Ну, чего встал, пошли!

— Не знаю, просто в голове не укладывается. Столько людей погибло в один миг. Да и все наши близкие и знакомые, скорее всего, тоже. Куда мы бежим? Хотим мы того или нет, а скоро облако осадков покроет весь город, и мы с вами помрем точно так же, как и они. Только с задержкой, — истерично прыснул Алан.

— Будешь так мыслить и точно долго не протянешь. Сам вскрыешь себе вены еще на этом лестничном пролёте, уж поверь, Грейсон, — махнул рукой в сторону тела Джим. — Про близких промолчу, но вот этот говна кусок и подошвы твоей не стоит, — он помедлил, положил руку на плечо парня. — Не трать силы на эмоции, у нас еще долгий спуск впереди.

— Извините, сэр. Я-я... — Алан попытался продолжить, но эмоции брали свое.

— Послушай меня внимательно, — Коган взял его под руку и увлек прочь от тела, — ты отлично держишься и, поверь мне, — резко прижав Алана к стене, ухватил его за голову и взглянул прямо в глаза. — Ты слушаешь меня?!

Алан кивнул.

— Мы выберемся, чего бы нам это ни стоило. Ты меня понял?

— Да, сэр.

— Повтори, что я сказал! — потребовал Коган.

— Мы выберемся отсюда, сэр.

— И!

— Чего бы нам это не стоило.

— Вот и отлично! Так держать, Лесси! — хлопнув парня по плечу, Джим взял его под руку и, бросив взгляд на бывшего врага, подумал: «Чего стоит бывшая вражда, когда от бывшего и следа не осталось?»

Так и не дав себе ответа, он помог Алану осилить ступень и, оставив труп Сидни позади, они начали спуск. Плечом к плечу, опираясь один на другого. Долгий марафон в пятьдесят восемь этажей.

[8] 16 футов — это 4,8 метра.

Глава 5. Долгий разговор в три удара

Первые сорок пролётов они молчали: каждый витал в своем туманном и далеком потоке мыслей. Иногда их обгоняли бегущие по ступенькам выжившие с их пятьдесят восьмого и этажей, расположенных выше. Но всё чаще они слышали голоса таких же, как и они, лестничных марафонцев, что нет-нет да и доносились снизу. Реже, едва уловимо гудел в шахте лифт, и только одно было неизменно — похожие один на другой лестничные пролёты.

Казалось, череде *дублей* не будет конца, и вот уже пройдено больше половины дистанции, а в шахте лифта вновь слышен гул.

«Как можно быть настолько беспечными?» — мысленно задал себе вопрос Коган, но ответа не было.

Он облизнул губы, сплюнул под ноги привкус металла и устало засопел в такт шагу. А спустя еще пять пролётов заметил, что и Грейсон тяжело задышал. Бросив взгляд на часы, Джим смахнул со лба испарину и впервые задумался о привале.

10:57 AM

До заветного первого этажа оставалось всего ничего. Слегка сбавив темп, Коган прислушался. Полная тишина, только звук их шагов и учащённое биение сердца. Он щелкнул пальцами несколько раз подряд, пытаясь привлечь внимание парня.

— Это вы щелкаете?

— Да, — тяжело вздохнув, ответил Джим и тут же спросил: — Может, передохнем?

— А мы можем?

Капли пота собрались на кончике носа, и стоило Алану наклонить голову к груди, как они дружно сорвались вниз и растянулись темными кляксами на пиджаке.

— Почему нет? Уверен, вряд ли кто-то придет и прогонит нас с лестницы, — устало хмыкнул Коган.

— Тогда как скажете, — мотнул головой Алан и улыбнулся впервые за долгое время.

— Да, и я вот еще что скажу, — Джим вытер рукавом щеку. — Во-первых, хватит трясти башкой, как призовой рысак перед забегом.

— А во-вторых? — прижимая руку к левому боку, скривился от колющей боли Грейсон.

— Ветер сегодня дует с залива, а это значит, что все поднятые в воздух частицы уйдут с радиоактивным облаком в сторону Аппалачей и осядут на Джерси. Так что время у нас на привал точно есть.

— Это спорно, — оперся о поручень Грейсон и продолжил: — Взрывы изменили температуру воздуха близ эпицентров, следовательно, и ветер они поменяли, так что всё может пойти совсем по другому сценарию.

— Тогда в любом случае мы отхватим дозу, и лишний час роли не сыграет. Или я не прав? — поднажал Джим.

— Будь по-вашему, — согласился Грейсон.

— Что так легко сдашься? А я-то думал, ты человек, умеющий отстаивать свою точку зрения.

— Именно такой, сэр. Но сейчас спорить нет сил, — ответил Грейсон и, улыбнувшись краем рта, сложил губы трубочкой — медленно выдохнул. — Тем более вам виднее.

Он вымученно улыбнулся, сделал глубокий вдох, пытаясь восстановить дыхание и понимая, что сейчас лучше подыграть и не лезть на рожон.

— Вот в этом я тебя поддержу, — ответил Коган и плавно снял руку Алана с плеча.

Коган усадил парня на ступеньки, пользуясь случаем, потянулся, зевнул и, задрав голову, прислушался. Топота с верхних пролётов не было слышно, внизу тоже царил тишина. Шаг-

нув на ступень, он прислонил ухо к стене. Лифт в шахте молчал, и лишь сквозняк гулял меж этажами.

— Как себя чувствуешь? — устраиваясь рядом, справился Джим.

— Что-то в боку прихватило, — ответил Грейсон.

— Бывает с непривычки.

Прислонив палец к ноздре, Коган высморкался. Закончив, развернулся на месте и приник спиной к холодной стене.

— Я бы так не сказал. Я регулярно бегаю, ну и вообще держу себя в форме, — ответил Грейсон и, размяв шею, устало выдохнул.

— Значит, надумал лишнего. Поверь, со мной такое бывало. Когда собой не владеешь, сбить дыхание можно на раз-два.

— Сэр, а вы можете хоть иногда не вставлять свое последнее *веское* слово? — раздражённо спросил Грейсон.

— Поверь, я прав, — шмыгнув носом Джим и расслабил галстук. — События и обстоятельства — всё к тому располагает. Я в свое время боксировал и знаю, что такое стресс и тишина в зале, когда вас лишь двое, и *все глаза на тебе*...

Он глянул на парня: тот склонил голову, плечи резко вздымались и опадали при выдохе.

— И тут всё так: эти ступени и тишина, она ведь, как пресс на свалке, довлеет над тобой, жмет грудь и подступает к горлу. Оттого и дышать...

— Вот мне интересно, — сорвавшись, прервал Алан, — вы так меня пытаетесь успокоить, или это что-то из ваших личных ритуалов?

— Да я помочь хочу.

— А нельзя просто взять и заткнуться? — выпрямившись, спросил Грейсон с нажимом и, посмотрев на Когана, тут же отвернулся, сник и тяжело задышал. Сил у него почти не осталось...

Джим не ответил, лишь неожиданно для самого себя замолчал.

«Не перегибай палку, старина», — мысленно осадил он себя, глядя, как Алан уперся взглядом в стену и с минуту не издавал ни звука. А потом, словно по команде, подскочил на месте и как ужаленный начал проверять карманы пиджака. Наконец, сунув руку во внутренний, достал белый футляр с логотипом «Ред Кэп».

— Что это? — вытянув шею, спросил Коган.

Алан не ответил, привычным движением открыл кейс. Ловко цепляя пальцами, надел линзы, а потом и миниатюрные наушники.

— Найс, — отчеканил имя цифровой помощницы Грейсон, но ответа не последовало.

Он попытался перезагрузить браслет — тщетно.

— Вот же чёрт, Найс!

— Не работают?

— Нет, — ответил Алан.

Сдерживая раздражение, снял наушники с линзами, убрал всё в кейс и положил рядом.

— Это было ожидаемо, — резюмировал Коган.

— Сэр, давайте просто помолчим.

С минуту действительно молчали, Коган полез в карман пиджака и вскоре достал пачку «Уайтспот». Вытянув из пачки одну, долго возился, пытаясь найти в карманах зажигалку. А пока искал, в голову лезли воспоминания, как жена порицала за дороговизну сигарет, как просила бросить курить. А он, как баран стоял на своем, утверждал, что не хочет, не может. И нет смысла ей волноваться, он курит не ширпотреб, а хорошие сигареты — это когда под заказ, когда без рекламы и мертвых младенцев на пачке да чёртовой роялистской символики и прочего дерьма. Она устало смотрела на него, говорила, что яд не стоит двадцати пяти сине-зеленых, что только дурак сам себя травить будет, тем более за свой счёт (и дело было не в деньгах).

Он возрождал в голос и спор перерастал в ссору. Эти перебранки всегда заканчивались одинаково: дети плакали, а Мардж смотрела на него с ненавистью. И всё из-за проклятых сигарет ценой в четверть сотни.

«Вот ты кретин», — вторил воспоминаниям тихий внутренний голос, а Джим всё смотрел в потолок, не моргая. Вспоминал, как часто подобные споры случались из-за сущей мелочи — на пустом месте. И всегда он старался отстоять свою правоту, словно это хоть что-то должно было значить да чего-то стоило.

«Всё твоя гордость, — Джим облизнул губы, тяжело вздохнул. — Кретин», — осудил он себя в мыслях и услышал голос парня.

— Огня? — глядя в точку перед собой, спросил Грейсон.

Коган выдержал паузу, пытаясь удержать образ жены перед глазами. Но всё в мгновение исчезло, и как он ни старался вновь вызвать родной сердцу образ, перед глазами лишь лестничные перила да белая стена.

— Будет не лишним, — оценивающе поглядывая на помощника, ответил Джим и тут же предложил: — Сигарету?

— Нет, спасибо, — поблагодарил Грейсон.

— Хорошие.

— Я не курю.

— А зачем тогда с собой ее носишь?

— Скажем так, я хорошо подготовился к первому дню, — едва заметно улыбнулся Грейсон, провел языком по нёбу и, стиснув зубы, поспешил передать зажигалку. Чувствуя, как эмоции берут свое, склонил голову к полу, желая скрыть лицо и не показывать, как против его воли на глазах навернулись слёзы.

— Ясно, — расплылся в ответной улыбке Коган.

Его прельщала та прямота и непринуждённость, с которой держался парень. В нём не было фальши, и разве что присущая молодости наивность портила общую картину.

Не замечая происходящей с Грейсоном метаморфозы, Джим прикурил, жадно затянулся и, выпустив плотную струю дыма, размял шею.

«Всё же ты не прогадал, Джимми», — подытожил он и подумал о чём-то своем — отстранённом. А вновь затянувшись, подобрал под себя ногу, упер в нее локоть и, подперев голову рукой, прикрыл глаза, мыслями убегая в свой известный лишь ему мир. Тот идеальный, где он не был кретином, а семья была рядом.

— Как думаете, что сейчас на улицах творится? — пытаясь не подавать виду, спросил Алан.

— Мало приятного, но если хочешь, можем сходить и посмотреть, — не открывая глаз, ответил Джим, зажал сигарету в зубах и свободной рукой помассировал переносицу.

— Опять эти ваши шуточки, — в голосе парня чувствовалось раздражение.

— Да, без них никак, — закинув голову, Коган затянулся и, растягивая удовольствие, с облегчением выдохнул плотную струю дыма носом.

Посмотрел на парня и, лишь убедившись, что тот на него не смотрит, позволил себе скинуть в лицо.

«Держись, Джимми, сейчас не время раскисать. Я не знаю, чего тебе это будет стоить, но держись», — мысленно настраивал он себя.

Вновь затянулся, стяхнул пепел под ноги и очередные две затяжки наблюдал за парнем, стараясь сохранять молчание.

Алан возился с личным браслетом. Сначала потряс, потом попытался разглядывать дисплей едва видящим глазом, но, так ничего не увидев, снял его и зачем-то поднес к уху.

— Сейчас пятнадцать минут двенадцатого, мой прекрасный кроманьонец.

— У вас работает браслет? — не заметив издевки, спросил Грейсон, в голосе чувствовалось волнение.

— У меня часы, — ответил Коган несколько растерянно, — ну, знаешь, старые часы, золотые.

— Как в фильмах Скъюзека?

Джим попытался вспомнить фильмы Скъюзека, вспомнил лишь, что что-то слышал, но так до них и не добрался, поэтому сразу ответил:

— Нет, — а покрутив сигарету в пальцах, уточнил: — Просто старые часы, механические. Как у Бутча из «Чтива», только вот в заднице их никто не носил.

— Чёрт!

— А в чём...

— Просто из головы не могу выбросить.

— Ты о чём вообще, Грейсон? — спросил Джим.

— О долбанном браслете и этих линзах! — от бессилия Алан топнул ногой, что-то буркнул и с досады резко смахнул кейс со ступени, да так лихо, что тот в полёте растерял всё содержимое.

— Зря, — устало заметил Коган, глядя, как в дальнем углу качаются из стороны в сторону выпавшие из кейса наушники.

— Они всё равно не работают.

— В любом случае зря, — Коган подхватил откатившуюся к его ботинку линзу и, пристально разглядывая, повертел в пальцах.

— Давайте без напутствий, — попросил Грейсон.

— Ладно, как знаешь.

— Просто, у меня не лучшее зрение, — внезапно сорвался Грейсон и тут же добавил, но спокойнее: — А на браслете стояла корректирующая программа.

Коган посмотрел на линзу, а потом, оценивающе окинул взглядом парня.

— Думаешь, это помогло бы справиться с потерей зрения?

— Кто знает, — ответил Алан и вновь сник.

На какое-то время замолкли, Коган подкурил вторую, а Грейсон сидел, скрестив руки, кусал губы и всё не мог выбросить из головы упущенную возможность.

— Знаешь, ты можешь волноваться и переживать... Но чем это делу поможет?

— Сменим тему, — огрызнулся Грейсон.

— Конечно, валий, — непринуждённо ответил Джим.

— Тот мужчина — Карсон...

— Да?

— Мы столкнулись с ним в лифте, и он...

— Предложил тебе поработать на него, — опередил Джим.

— Да, можно и так сказать, — подтвердил Грейсон.

— А ты что?

— Ничего. Я отказался.

— Тогда к чему вопрос?

— Просто хочу понять, откуда у этой истории ноги растут, — буркнул Грейсон и, помедлив, добавил: — Если это не секрет, конечно.

— Нет, не секрет, — тяжело вздохнул Коган и с прищуром покосился на парня, — уже нет, — выдержал паузу, пересел поближе и, тепло улыбнувшись, по-свойски толкнул парня кулаком в плечо.

— Что?

— Да так, ничего, — осклабился Коган и добавил: — Просто, похоже, у Сидни совсем нервы сдали, если он и в лифтах начал моих кандидатов отлавливать, — вновь ухмыльнулся он и покачал головой. — И что именно ты хочешь узнать?

— Погодите... Ваших кандидатов?

— Да.

— Так всё-таки вы смотрели мое резюме?

— Да, и сам выбрал кандидатуру, — повел плечом Коган и тут же тихо спросил: — Так что именно тебя интересует?

— Вы начните, а лишнее я отсеку.

— Попробую, — Джим помедлил, словно пытался взвесить все за и против. — Думаю, ты в курсе, как я попал в «Эко Кор»? — он тут же отмахнулся и сам ответил: — Да, конечно, ты в курсе.

— Мне известна только официальная версия, — уточнил Грейсон, — версия с банкротством «Гипперинон Энерджи».

— Да, официальной более чем достаточно, — Коган прочистил горло, кашлянув в кулак. — Знаешь, когда ты имел свое дело и прогорел, в работе на корпорацию мало приятного. Плюс были со мной и прочие сложности, — сказал он и осекся, словно сболтнул лишнего.

— Наверное, это то, что ваш приятель Сидни называл странным поведением.

— Наверное, — стиснув зубы, ответил Коган и мысленно добавил: «Приятель, мурак он редкостный, а не приятель».

— А это как-то пересекается с той историей, связанной с поляком?

— Кем?

— Ну, тем кандидатом, которого вы ударили.

— Боже, это Марта тебе разболтала? — Джим помедлил, вспомнил ее лицо и про себя сказал: «Боже, Марта».

Алан что-то буркнул в ответ, но Коган пропустил это мимо ушей и уловил лишь конец фразы:

— ... и это всё, что я знаю, мистер Коган.

— Просто Джим, — поправил он, вытер взмокшую ладонь о штанину и прислушался к пустоте.

Шагов сверху и снизу не было слышно, лифт, казалось, наконец, умер, а где-то вдалеке звучал всё повторяющийся стук, словно одна безымянная палка билась о другую в стенах пустого колодца.

Прислонив руку ко лбу, он вытер испарину, облизнул губы и вновь затянулся, а выдохнув дым в ноги, сказал:

— Чёрт, что-то из головы вылетело. О чём я?..

— Сидни и поляк, — едва заметно покачиваясь, угрюмо бросил Грейсон.

— Точно, — растягивая буквы, протянул Коган, подбирая верные слова. — Скажем так, его босс беспокоился обо мне и проекте. А Сидни — он из тех, кто исправно выполняет свою работу. Даже чересчур исправно, — он стряхнул пепел в ноги.

— Босс, это тот, что звонил?

— Да, он самый.

— А поляк?

— Тут проще. Но это и вправду долгая история.

— Я потерплю, — ответил Алан и прильнул головой к поручню.

— Окей, — тяжело вздохнул Коган и перевел взгляд с рук на ноги. — Сидни, часом, не говорил, что со мной не стоит сблизиться?

— Может, что-то говорил, но точно не помню. А что?

— Просто, это часть нашей с ним игры в кошки-мышки, и эта игра сильно затянулась.

— А если подробнее, — поморщился Грейсон и подпер подбородок рукой.

— Скажем так: руководству компании нужны были сведения, которых я давать не хотел, и они всячески вставляли мне палки в колёса, когда дело доходило до выбранного мною кандидата.

— Ваши наработки с «Гипперинон Энерджи»?

— Нет, другое. Слышал о портативных энергоносителях нового поколения?

— Да, их выпустили на рынок после того, как вас выкупили.

— Ага, ну так вот. Настоящие прорывные технологии — это не сами батареи, а система их утилизации. Понимаешь?

— Пока смутно, но в целом — да, — сказал Алан.

— Вот и славно, — Коган горько ухмыльнулся. — В общем, я вилял и тянул. Старался придержать сильные карты на руках как можно дольше. А они в ответ начали подсовывать мне своих кандидатов. Вынюхивать. Незаметно, как им казалось. Всячески подавливать на меня, в общем, поводы были разные. Мол, я со сроками не справляюсь и прочий бред. В один момент я серьёзно задумался и спросил себя: «Что за люди тебя окружают?»

— И?

— И принял меры, — на мгновение Коган задумался, пристально разглядывая, как уголек сигареты съедает бумагу.

— В каком это смысле — принял меры?

— Сработал по старинке, — сухо бросил Коган.

— А вам никто не говорил, что вы отличный рассказчик, сэр?

— Прости, я что-то стал выпадать.

— И куда выпадаете? — спросив, Грейсон покачал головой и подумал, что весь этот разговор очень напоминает ему дешёвый фарс из не лучшей картины.

— Сам не знаю, — соврал Коган и вновь вспомнил лицо Марты.

— Тогда вернитесь к сути, — начиная терять терпение, заметил Алан и шмыгнул носом.

— Да-да, к сути, — затянулся сигаретой Джим и продолжил: — Вот суть. Если позволить сотруднику называть себя по имени, безо всяких там сэр, мэм и прочей социальной требухи, это рано или поздно сотрет между вами границы.

— Разрядит обстановку.

— Ага, — кивнул Коган, — и только в подобной разряжённой среде ты и сможешь увидеть истинное лицо человека. Я так считаю.

— Согласен, — кивнул Алан.

— Это и есть по старинке. А ты что думал? Что я закидывал их в багажник и вез до ближайшего озера на свидание к рыбкам? — с иронией в голосе спросил Джим.

— Была такая мысль.

— Понимаю, но чтобы ты был спокоен, скажу так: если подобное и случалось, то знай. Они все были плохие.

— Да-да, — неожиданно для самого себя рассмеялся в голос Алан и тут же спросил: — Откуда это?

— Честно, не помню. Но точно из какого-то очень старого фильма, — сдерживая смех, ответил Коган.

— Фу-х, — смахнул испарину Грейсон.

— Да-да, — хлопнул его по плечу Коган.

— И всё же, если без шуток?

— Всё просто, — стряхнул пепел Джим, — когда время приходило, я подкидывал им заведомо ложные данные.

— Уток?

— Да как ни назови, хоть котятками, суть не меняется.

— И к сути.

— Кидал их так, между делом, чтобы не спугнуть. А если спустя пару дней ко мне приходил Сидни со сливом на руках, — глубоко затянувшись, Коган выпустил струю в пол и едва заметно ощерился. Выглядело это картинно, словно заранее отрепетированная пауза в Бродвейском спектакле. — Как только подобное случалось, я решал вопрос с кандидатом. Давил его без тени сомнения и жалости.

— Давил?

— Ничего такого, всё в рамках регламента, — Коган облизнул губы и перевел дыхание. — В любом случае это был вопрос времени. Одни уходили тихо, другие со скандалом... — он пустил дым носом, челюсть сжалась, проступили желваки. — Потом наступало затишье, но рано или поздно появлялся новый. Подсадных было много, но я их всех, ублюдков, изловил, — Коган помедлил. — Хотя были и чистенькие. Но они были из не менее худшей породы, ломались слабаки, — посмотрел на Грейсона так, что даже слепой почувствовал бы тяжесть взгляда. — Даже и не знаю, что хуже? Слабак или стукач? В любом случае такие в команде мне были не нужны, и гнал я их, как бродячих псов, — Джим замер на мгновение и тут же добавил: — Знаешь, жизнь она ведь не для мертвецов.

— Что-то я не уловил, мертвецы — это чисто аллегорически?

— И да и нет. По моему мнению, человек начинает по-настоящему жить лишь тогда, когда перестает искать помощи у окружающих. Знаешь, начинает сам решать задачи, берет на себя ответственность, борется. И хрен его что сломит. В особенности свойский парень в лице босса. Есть только трудяги и прочие. А все прочие — это ходячие мертвецы с вечно страдающим видом и конечной остановкой на кладбище.

— Ясно, — вздохнул Грейсон и кашлянул в кулак, пытаясь скрыть то самое душевное волнение, природу которого понять не мог. — Так, а с поляком-то что?

— Ах да. Он был из крепких: явился ко мне в кабинет и высказал всё в лицо. А я сорвался.

— Значит, Джимом мне лучше вас не называть, сэр? — улыбнулся парень.

— Тебе виднее, — мрачно ответил Коган и резким щелчком сбил уголек с сигареты.

Повисла неловкая пауза, Коган прикурил третью, Грейсон поднялся.

— Вот знаете... Думаю, мой отец с вами бы согласился. Я о мертвецах и всем таком подобном.

— Но не ты?

— Нет, не я.

— Ну, думаю, с возрастом ты меня поймешь.

— Посмотрим, — уперев руки в бока, Алан невольно задрал подбородок.

— А кем работает твой старик?

— Он бригадир в строительной компании, — Грейсон спрятал руки в карманы и поджал губу. — Сегодня поехал на объект — реконструкция аэропорта Кеннеди.

— Соболезную.

— Надеюсь, нет.

— Не хочу тебя расстраивать, но это стратегический объект: по ним бьют в первую очередь.

— Знаю, но не хочется верить в то, что я больше его никогда не увижу.

Коган поднялся, хлопнул парня по плечу.

— Слезами трудности не смоешь и не наполнишь животы. Собирайся с силами, и пойдём, — сказал он голосом, не терпящим возражения.

Грейсон хотел ответить, но внутри что-то вновь пробудилось. Тьмы знамение, что непомерной ношей ложится на грудь и мертвой хваткой цепляет за горло. Более нет сил на вздох, думаешь только о том, как не подать виду, а мир перед глазами плывет.

Джим окинул его пристальным взглядом и тут же подумал: «На кой чёрт я вообще начал этот разговор? Все эти откровения и твоя наигранная бравада...»

Он вновь посмотрел на Грейсона.

Лицо парня побледнело, плечи поникли. Казалось, отчаяние в мгновение ока проникло в него и окутало волю паутиной сомнений. И главное — это не на шутку напугало и самого Джима. И не из-за вопросов морали, нет, он на собственной шкуре почувствовал, как отчаяние перекидывается на него, подобно пожару, и душист волю.

Коган бросил взгляд на стену, лестницу и вновь на парня. В ту же секунду его осенило. Было бы проще оставить обузу и побежать со всех ног прочь, но, вопреки слабости, что-то держало его на месте стальными щипцами. Казалось, в его глазах парень олицетворял ту самую грань — последнюю надежду на собственную человечность. Оставь он Грейсона тут, и это деяние будет нагонять его каждую ночь, преображаясь в кошмары и материализуясь к утру в мокрые от волнения простыни.

Вырвав себя из оцепенения, Коган не без труда жадно вздохнул и, облизнув губы, посмотрел на часы.

11:29 AM

«Надо что-то с этим решать, Джимми», — пронеслось у него в голове, а вслух он сказал: — Алан, надо идти...

Ответа не последовало, и он вновь обратился к парню:

— Всё, держи зажигалку и сворачиваемся.

В ответ — молчание, но стоило Джиму сделать шаг в его сторону, как тот отозвался:

— Оставьте себе и идите первым, а я догоню.

— Уверен?

— Да, так лучше будет.

Грейсон шагнул вперед и, развернувшись на пяточке между этажами, устало припал плечом к стене. Посмотрел в сторону застывшего на месте Когана, вжался в стену и махнул рукой в сторону вниз уходящей лестницы.

— Вы же знаете, что я прав. Идите.

— Согласен, — ответил Джим.

Взгляд метнулся от лица парня к полу и вдруг застыл посередине.

«Ты всегда знал, что делать, и сейчас знаешь», — напомнил себе Джим, облизнул губы, начал обходить парня, а поравнявшись, замедлился и тихим голосом прошептал:

— У меня к тебе просьба, *Инди*.

— Что? — поднял на него удивлённый взгляд Грейсон.

И в тот же миг Джим ткнул ему в шею окурком.

От неожиданности Алан взвился и размашисто вскинул руки. Не теряя момента, Джим отвесил ему пощёчину, да такую, что у самого в ушах зазвенело. Грейсона отбросило к поручням. Отскочив от них, словно теннисный мячик, он тут же, сжав кулаки, ответил. Джим нырнул под удар, пробил в область печени левой. А ухватив парня за отворот пиджака, дернул на себя и ушел ему за спину, как в лучшие свои годы. Оказавшись позади, оттолкнул парня к стене, толкнул в спину и разорвал дистанцию ровно в тот момент, когда Грейсон развернулся с ударом. Едва устояв на ногах, парень сделал два шага, выцелил размытый силуэт оппонента и... скривившись от боли в боку, припал на колено, тщетно глотая ртом воздух.

— Ну что, пришел в себя, доктор Джонс?! Или мне сбегать до ближайшего магазина и прикупить тебе шляпу для пущей уверенности? — с налётом одышки гаркнул Джим и тут же подумал: «Догнал бы ты меня, как же».

— Ты совсем охренел, гандон старый?! — лицо парня побагровело от прихлынувшей крови.

— Вот такой настрой мне по нраву, — зло пробасил Коган. — А то: я вас догоню, брось меня.

Алан ничего не ответил, оперся рукой об пол, отдышался.

— Помоги подняться, — обратился он, не поднимая головы.

— Уверен? — осведомился Джим, словно ничего и не было.

— Ага, как никогда в жизни, — откашливаясь, буркнул Грейсон.

— Точно? А то я тут уже как-то обжился, не хочется покидать этот памятник человеческому эго.

— Ну и сволочь же ты, — Алан сплюнул на пол, помедлил. — Может, потому у вас всё через задницу в жизни? Урод.

Коган не ответил, лишь достал из потайного кармана маленький футляр, что-то вытряс и вложил в руку Грейсона.

— Что это? — кашлянув, процедил парень.

— Радэкс.

— Что?!

— Леденцы, мать твою!

Коган переступил с ноги на ногу, вздернул подбородок и тяжело дыша, сказал:

— Это от радиации, помогут выжить.

Не дожидаясь парня, он проглотил свою порцию и протянул зажигалку.

— Пусть у тебя лучше побудет.

— Спасибо, — сдерживая эмоции, процедил Алан. — Кто первый пойдет?

— Давай ты, а я подстрахую, — предложил Джим и, пытаясь скрыть дрожь в теле, вновь переступил с ноги на ногу.

Его потряхивало от переизбытка адреналина. Глубоко вздохнув, он с силой сжал зубы, а мир пред глазами пульсировал да чуть рябил.

«Вот только панической атаки мне не хватало, — пронеслось в голове. — Дыши, старина, хоть один из вас должен себя в руках держать. Держись, Джимми».

Глава 6. «Колыбель для кошки»

Проглотив таблетки, Грейсон сориентировался в пространстве и, опираясь на поручень, неуверенно пошел вниз по лестнице. Коган проводил его взглядом, дал фору в полпролёта, и стоило ему пуститься следом, как ворохом накатили воспоминания.

Джим вспомнил тот день, когда будущее казалось безбрежным, почти идеальным. Компания «Гипперин» еще принадлежала ему, он был с семьей и открывал филиал дочерней компании в Лондоне. Событие приурочили к выходу нового продукта, таблеткам «Радэкс» от новоиспечённой компании «Фарма Рад».

Солнце. Темза. Рядом Мардж, дочка и сын. Джим вспомнил, как они выбирали с женой имена. Мардж задала условие: «Не более трёх букв на имя!» Он долго не думал, ответил: «Сын будет Тим, — и тут же уточнил: — Ну, как тот маленький паренек из романа Майкла Крайтона». Мардж этот вариант устроил, хоть «Парк Юрского периода» она только смотрела, да и то с его подачи. С девочкой вышло так же, Джим предложил любимую актрису — Ким Бейсингер, Мардж не сразу одобрила, только после просмотра «Бэтмена» 1989 года.

В тот день Тим и Ким путались вокруг, мешали работать съёмочной группе, а гордый собой Джим вместе с Мардж общались с режиссёром, что снимал рекламу для таблеток. Все съёмки им были неинтересны, лишь готовый монтаж, да не обличённые в визуал драфты. Они стояли с женой в обнимку, режиссёр держал планшет с материалом, а с экрана на них смотрел добродушный старичок в белом халате.

Представившись мистером Дживсом, старик увлечённо рассказывал, а помогал ему мультяшный радионуклид с большими глазами, мистер Рад:

«Таблетки от радиации от компании «Фарма Рад» в своем составе содержат незначительный процент тех веществ, что оседают в организме человека в зоне радиоактивного заражения, — важно заявлял мистер Дживс. — Но в наших силах их вокруг пальца провести, — старичок указывает на экран позади, а из-за его спины миглом выпрыгивает веселый помощник в виде анимированной радиоактивной частички. — Поможешь мне, мистер Рад?».

И стоит ему это сказать, как светящийся от счастья мистер Рад хлопает в мультяшные ладошки, и они оказываются в стерильной лаборатории. Старик подходит к цифровой проекции с изотопами, говоря:

«Они все разные, но излучают все одно: альфа, бета, гамма. Все эти виды излучения нас окружают так или иначе, но когда их много, это на пользу человеку не идет. Но мы, мой друг, их проведем. И вот в чём будет наш секрет!»

Над горизонтом вспыхивает взрыв, кадры ядерного гриба сменяются горячей АЭС, по экрану бежит похожая на снег рябь, мистер Рад комментирует:

«В процессе ядерных испытаний или техногенных катастроф выделяются радиоактивные частицы, которые организм воспринимает ложным образом. При попадании внутрь, наш организм направляет эти частицы по месту назначения».

А старичок в халате уточняет:

«Вот тот же Стронций-90 воспринимается организмом человека как кальций и откладывается в костях и костном мозге, что в последующем вызывает рак крови. А Йод-131 не менее коварен: попадая в организм, оседает преимущественно в щитовидной железе. И это лишь малая толика опасных для нас изотопов, — важно поднимая палец, говорит старина Дживс. — Верно, мистер Рад?»

В ответ мультяшный герой, хлопая ресницами, восклицает:

«Всё так увлекательно, но сложно!»

«Вот именно, — с задором в голосе подтверждает старичок Дживс, кивая, а улыбнувшись, щелкает пальцами, говоря: — Оттого мы и изобрели леденцы “Радэкс”, чтобы всё стало просто, как...»

По экрану расплзаются помехи, картинка искажается. И...

Кадр резко сменяется: счастливая семья видит из окна, как на горизонте вырастает массивный ядерный гриб. Следуя примеру родителей, дети проглатывают таблетки и улыбаются во все тридцать два. Играет бодрящий мотив, и все, словно по команде, вытягивают руки и поднимают большой палец вверх.

А за кадром диктор голосом Рона Перлмана зачитывает появляющийся слоган:

«Всё просто: Приобретайте “Радэкс” и забудьте об опасностях внешней среды».

— Как вам материал? — спрашивает Когана режиссёр.

— Могло быть и хуже, — отвечает он, оборачивается на крик бегущего к нему сына и...

Грейсон промахнулся мимо ступени, схватился за поручень. Резкий скрип возвратил Когана из мира грёз. Он проследил за тем, как парень не без труда поднялся и вновь продолжил спуск. Всё это напоминало Джиму былые дни, его излишнюю строгость к сыну.

Грейсон петлял в потоке ступеней, Джим чуть на отдалении — шел следом на ватных ногах, тяжело дышал и вспоминал, как в тот день на Темзе они были счастливы с Мардж. Как Тим перепугал всех, когда, пробегая, задел камеру за четверть миллиона, как малышка Ким жалась к бедру и, шепелявя, говорила: «Я тебя люблю, пап». И как он чуть не высек ремнем сына на глазах у всех за то, что он чуть не разбил дорогую камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.